

Эдуард АНАШКИН,
Самарская область

Анашкин Эдуард Константинович родился 23 сентября 1946 года в г. Хилок Читинской области в семье железнодорожника. Печатался в центральных газетах и журналах: «Парламентская газета», «День литературы», «Российский писатель», «Литературная Россия», «Патриот», «Литературная газета», «Наш современник», «Роман-журнал XXI век», «Москва», «Воин России», «Россия молодая», «К единству», «Дон», «Подъём», «Родная Ладога», «Сибирь», «Сура», «Гостинный двор», «Русское эхо», «Енисейский литератор», «Великороссь», «Слово Забайкалья». Автор сборников рассказов и повестей «Вовкин поцелуй», «Запрягу судьбу я в санки», «Злая мячеха – судьба», сборников литературоведческих очерков и статей «Лети, мой блистательный снеж...», «Ангел с огненным мечом», «Попавшие в переплёт», «В созвездии Пегаса», «На литературных перекрёстках», «В.Г. Распутин. Документальная повесть о нашей дружбе». Член Союза писателей России. Живёт в селе Майское Самарской области.

Читаешь прозу забайкальской писательницы Елены Чубенко, и поневоле в голову мысль закрадывается, что столь проникновение в душу человеческую Елена Ивановна получила не только из своего сельского детства, но и из многолетней работы следователем и судьей. Ведь перед судьями проходят тысячи разных характеров и судеб наших современников, с их такими разными, но в чем-то по-человечески похожими, проблемами. Не я один, многие коллеги и читатели бывают удивлены, узнав, что эта писательница, внешне такая миловидная, простая и душевная в общении, в прошлом – следователь и судья.

Ну никак не вяжется такая открытость и душевность с кителем и погонями! Но, подумав, понимаешь, что только большая личность на такой непростой работе, где раскрываются не самые лучшие человеческие качества людей, вставших на путь конфликта с законом, способна сохранить

НАЙТИ ПОЭЗИЮ В БУДНЯХ...

доброту и сердечную и веру в человека. Сохранить талант неустанного восхищения умением человеческой души любить. И делиться этим талантом с читателями, понимающими, что сохранить талант писателя на стезе правоохранительной профессии – гражданский и человеческий подвиг.

Выпускница Иркутского государственного университета, Елена Чубенко, казалось бы, была обречена стать писателем с юности. Даром, что факультет выбрала далекий от изящной словесности, юридический. Однако ждать времени, когда можно полностью отдаться любимому делу, ей пришлось долгие-долгие годы. Вплотную литературой она занялась недавно, уйдя на пенсию с юридической работы, потом еще отдав несколько лет журналистике. И вот, наконец, приняла решение, что нельзя делить служение литературе с чем-то еще. Но даже раньше Елена Ивановна умудрялась быть довольно плодовитым прозаиком, а теперь-то читатель вправе ждать от нее еще большего творческого прорыва!

Не так давно Елене Ивановне довелось ненадолго вернуться в юность, в город своей студенческой молодости – Иркутск. Она была приглашена на презентацию нового номера знаменитого литературного журнала «Сибирь», опубликовавшего её прозу. Уезжала из Иркутска выпускницей вуза, а вернулась известной забайкальской писательницей, о творчестве которой говорят, что это поэзия в прозе. Найти поэзию в буднях дано не каждому, а пишет Чубенко о каждой знаменитой жизни села, которое не обходят беды. Как и всякую российскую глубинку в наше смутное время. Но в её прозе вы не найдете безысходности! Совсем наоборот: не закрывая глаза на проблемы сельского жития-бытия, она показывает нам, что никакие беды не в силах помешать сельчанам быть счастливыми и мечтать, видеть красоту повседневной жизни на лоне природы.

Талант видеть красоту в самом обыденном, даже будничном, наверное, каждому дается свыше. Но вот сохранить, не говоря уж о том, чтобы приумножить, этот талант дано не всем. Елене Чубенко такой талант был дан, ею творчески приумножен, и им же она щедро делится с читателями своих книг.

Герои ее произведений живут с ней (да и с нами!) по соседству, это ее (и наши!) земляки и современники, хоть и разного возраста. А потому каждый персонаж, даже вроде не основной, имеет ту метку подлинности, которая отличает настоящую прозу от ходульности придуманных персонажей. «С приходом Елены Чубенко в забайкальскую литературу появилось мерило – мерило совестливости, таланта,

творческой порядочности», – пишет в предисловии к книге «Солнцем поцелованные» член Союза российских писателей, заслуженный работник культуры Читинской области Елена Стефанович.

Предки Елены Ивановны – семейские, пришедшие в Улётовский район, где живет писательница и о котором часто пишет, из Красного Чикоя. Крепкая непоколебимая вера в высшее предназначение человека, наверное, и является тем золотым запасом творческой прочности, что есть в активе Чубенко.

И вот еще один творческий взлет. Недавно читинцы смогли увидеть фрагмент фильма по рассказу Елены Чубенко, который стал титульным для книги «Солнцем поцелованные». Нужна была пьеса для улетовского театра. И Елена Ивановна взяла за основу историю своей семьи, историю прабабушки и прадеда, у которых на войне погибло двое сыновей. Даже дочка Акулина в этой семье воевала! У главы семьи где-то в побежденной Германии рос сын. О немецкой тайне деда Елисея Елена Ивановна узнала не так давно и была поражена. В жизни и вокруг нас столько тайн, что зачем их придумывать писателю? Пиши правду, наблюдай внимательно за жизнью – и будешь любим читателями... Но, к сожалению, в наше время писатели часто в погоне за читабельностью пишут так называемый «эксшн» – драки, убийства, битвы пришельцев с «ушельцами».

Елене Чубенко это неинтересно. Она занята тем, что выводит в разряд читаемых книг нашу жизнь. Жизнь – главный герой ее произведений. Проза Чубенко не уводит читателя от проблем повседневности в мир иллюзий и грез, но честно и мужественно, с надеждой и верой повествует о жизни «маленького человека», этой великой темы и традиции русской классики.

По языку проза Чубенко добротная и объемная, колоритна и окрашена самородными сибирскими словами и оборотами. Но при этом писательница счастливо избежала искушения впасть в перегруженность языка диалектизмами. Как правильно говорил Виктор Петрович Астафьев, многих сибирских прозаиков погубило именно желание писать «по-сибирски». Проза Чубенко хоть и богата яркими диалектизмами, но сохраняет классическую прозрачность и тот чистый целительный «воздух», который предназначен для читателя. А потому книги Чубенко можно не просто читать ради того, чтобы узнать содержание и сюжет, но и перечитывать, чтобы смаковать саму красоту и склад языка...

Возвращаясь к рассказу, ставшему фильмом, добавим, что события рассказа происходят в забайкальском селе Дешу-

лан. В разгар войны с фронта возвращается комиссованная на последних месяцах беременности девушка. Радость пожилых родителей, потерявших на войне двух сыновей, при виде дочери быстро сменяется растерянностью. Простят ли языкастые земляки, что она принесла ребенка, как говорится, «в подоле».

Староверческие семьи ведь отличаются особой моральной строгостью, и реакция села понятна. На фоне разыгрывающейся семейной драмы осудившего дочь отца Елисея, раскрываются сокровенные тайны молодости этого самого деда, отца беременной дочери. Воистину: не суди – да не судим будешь! Для Елены Чубенко в этом рассказе, как и во всех прочих, нет персонажей плохих и хороших. Ведь это живые люди и идеальных среди них нет. Чубенко никого не осуждает, ведь это все ее родные люди! И у каждого из них своя судьба и своя правда.

Над фильмом ведется работа, готовится к выходу его полнометражный вариант. И хоть кинокритики назвали отсмотренные фрагменты о забайкальской деревне времен Великой Отечественной войны (режис-

сер Николай Николаевич Гадомский) кинопамятником забайкальскому тылу, для автора рассказа и пьесы этот фильм – художественно осмысленная семейная хроника. А для нас еще и летопись истории. Премьера отснятого материала «Солнцем поцелованные» состоялась в Праздник Победы.

В новую книгу Елены Ивановны Чубенко вошли рассказы и пьеса, написанные за последние два года. Ее предыдущие сборники «Дешуланские покосы», «О тех, кого я помню и люблю», «Вот так и живем», «Мы живем, потому что их нет», «На море-окияне» получили высокую оценку в литературных кругах. Елена Чубенко принята в члены Союза писателей России. В ее послужном литературном списке публикации в региональной и центральной прессе, на страницах литературных журналов «Слово Забайкалья», «Литературная галактика», «Сибирь» (Иркутск), «Невский альманах» (Санкт-Петербург).

Издательство НП «Родные просторы», Санкт-Петербург, издало добротный сборник Елены: теплая солнечная обложка, приятный формат, удачно подобранный шрифт. Книга так и просится в руки. Украшает об-

ложку сцена из фильма «Солнцем поцелованные», поставленного по одноименному рассказу Елены Чубенко. Солнцем поцелованы не только герои рассказов Елены Чубенко. Солнцем поцелована она сама, и потому щедро дарит солнечный свет читателям.

Анастасия КОБОЗЕВА,
Москва

*Уж разгласить успела слава
Везде приятнейшую весть:
Поэма, говорят, готова,
Плод новый умственных затей.
Итак, решите; жду я слова:
Назначьте сами цену ей.
Стишки любимца муз и граций
Мы вмиг рублями заменим
И в пук наличных ассигнаций
Листочки ваши обратим...*

А. С. Пушкин

Имя «любимца муз и граций» Евгения Водолазкина вновь стоит в коротком списке на премию «Большая книга», в этот раз с новым романом «Брисбен». Многообещающая (или пафосная?) надпись на обложке гласит: «Автор бестселлеров «Лавр», «Авиатор», что обязывает писателя на создание как минимум очередного бестселлера. К сожалению, при прочтении впадаю в тупик по нескольким причинам.

НЕУДАЧНАЯ БЕРЕМЕННОСТЬ

НЕРАСПРОДАННЫЙ БЕСТСЕЛЛЕР или ЗНАМИТОСТЬ ДО РОЖДЕНИЯ

(О романе Евгения ВОДОЛАЗКИНА
«БРИСБЕН»)

Во-первых, утомляет неожиданная нудность и монотонность повествования, будто автора заставили это всё сочинить, а мысли его были далеки от «Брисбена». Гораздо более меня взволновала схожесть романа с предыдущими произведениями, упомянутыми на обложке.

Я беру эти три романа: «Лавр», «Авиатор» и «Брисбен» как отправные точки творчества Водолазкина. Первые два уже являются победителями премии «Большая книга». В хронологическом промежутке между «Авиатором» и «Брисбеном» были написаны другие произведения, но я рассматриваю последний именно в данном контексте. Поражает создавшийся контраст, причём «Брисбен» оказался не в выигрышном положении.

По прочтении этих романов понимаешь, писал их филолог, человек, который уверенно репарировал текст, его форму и лексический состав. Последний выглядит особенно интересно в творчестве Евгения Водолазкина. Ещё раньше Алексей Балакин в своей статье «Неисторический роман» о познании,

отречении, пути и покое» отметил лексическую сложность «Лавра»: «Во многих местах текста есть на первый взгляд странная лексическая вкрапленность и анахронизмы... Так, старцы-наставники говорят на странном современном офисном сленге, юродивый Фома — балагурия и подпускать матерки, анонимный разбойник — как и полагаются безымянному уголовнику. Но все они временами переходят на тот самый, «настоящий древнерусский», который в тексте романа о событиях XV века выглядит едва ли не чужеродно. Впрочем, одну вещь Водолазкин выдерживает твердо: обращаясь друг к другу, все герои употребляют канувший в Лету звательный падеж». В свою очередь в «Брисбене» автор поднимает украинскую тему, всё чаще затрагиваемую писателями в последнее время: роман Захара Прилепина «Некоторые не попадут в ад», поэма Анны Ревякиной «Шахтёрская дочь». Здесь обнаруживаются отдельные точно подмеченные метафоры: «Однажды Глеб спросил отца, как так получилось, что путь — она. Тому що наша путь, ответил

Федор, вона як жінка, м'яка та лагідна, в той час як російський путь – жорсткий, для для життя непередбачений. Саме тому у нас і не може бути спільної путі». В зрелые годы жизни Глеба национальный вопрос больше не поднимается. Хотя, смею предположить, данный ход мысли вкупе с филологическими изощрениями мог бы спасти сюжет.

В произведении Евгения Водолазкина доминирующую роль занимает структура, так как сам сюжет достаточно примитивен и предсказуем, особенно в «Брисбене». Главным героем – Глеб Янковский, поп-звезда, тем не менее, характер его достаточно бледно прописан. Воспоминания о детстве и юности больше повествуют о его окружении, нежели о самом герое. В критических ситуациях он оказывается нерешителен и беспомощен. Для Глеба характерна та же скука, которой пропитан текст: *«Жизнь в колледжуме постепенно потеряла свою новизну и стала привычной. Настолько привычной, что перестала ощущаться как жизнь».* Раньше писатель брал за основу героев сильным духом и мужественностью. Глеб, как кажется, неинтересен самому автору, что делает персонажа картонным. Характеры остальных героев вовсе можно описать одним прилагательным – страдающие: Катя, жена Глеба, от своей бесплодности, Вера от онкологии, Анна от сумасшествия. А вместе с ними страдает и читатель.

Многие критики отмечают сложность построения формы романов Евгения Водолазкина. К примеру, в «Лавре» и «Авиаторе» несомненно заметна внешняя проработка произведений, сразу видна схема. В «Лавре» – четыре этапа схимничества героя, в «Авиаторе» дневниковые записи самого Платонова, к которым затем добавляются записи его врача и жены. Достаточно подробно о строении этих произведений пишут Алексей Балакин и Алексей Колобродов в своих статьях. «Брисбен» упрощён в этом плане, здесь главы, повествующие о действительной жизни героя чередуются с воспоминаниями о детстве и юности. При этом повествование уплощается, как и герои. Сама по себе сюжетная линия гораздо проще, нет воскрешений из мёртвых и юродивых, но дело, на мой взгляд, даже не в этом нанизывании эпизодов. Водолазкин умеет заинтересовать и привлечь читателя филологическими приёмами, которые оказываются гораздо сильнее идейного содержания романа. Увы, в «Брисбене» меньше таких изощрений, и от этого он становится монотонным и нудным.

Автор опять-таки без умения разбивает своё произведение эффектными сценами, привлекающими внимание. Эпизод с поклонницей Янковского, заявившейся к нему домой с заявлением, что беременна от него. В итоге никакого ребёнка не оказалось, да и сюжетного развития эта линия не получила, зато читатель заинтригован. Или же трагическая судьба девочки Веры, дочери некогда первой возлюбленной Глеба – Анны. Девочка неизлечимо больна и погибает в конце романа. Разумеется, Глеб и его жена последние месяцы жизни девочки (которую уже называют «дочерью») проводят с ней, а затем глубоко переживают потерю. Единственное напутствие, не повторяется ли автор?

В вышеперечисленных романах обязательно среди главных героев встречается юродивый. Человек с незаслуженно трагичной судьбой, в конце обязательно умирает. В «Лавре» и «Авиаторе» это собственно и были главные герои. А в «Брисбене» – девочка Вера. И если повторение типологии героев ещё можно допустить, то полная копия персонажа уже кажется совсем непонятной. Гейгер – бесспорный прототип Майера (без сомнения, тоже немец). В обоих романах они характеризуются как «рационалисты» и «теоретики», они достаточно скупы на эмоции, помогают главным героям, становятся друзьями, вхожими в круг семьи. Но в Гейгере прослеживается больше человеческого. Он переживает за своего друга, пытается помочь ему до самого последнего момента, но реалистичный взгляд его никогда не покидает.

«Мелькает ужасная мысль, что для больного человека катастрофа в каком-то смысле... Мысль ужасна своей неправотой». – фиксирует Гейгер во время авиакатастрофы. А ведь замечательный выход, с точки зрения мастерства автора. Болезнь, несомненно ведущая к смерти, прерывается несчастным случаем. В этот момент всё встаёт на свои места: Настя догадывается о тайне убийства Зарецкого, некогда донёсшего на её прадеда, Платонов рассказывает в убийстве, а Гейгер осознаёт необходимость и уместность неожиданной гибели своего пациента, хоть и не хочет в этом признаваться самому себе.

В критический момент отчаяния Майер покидает Глеба. Вообще все персонажи «Брисбена» картонны, каждый из них держится за свою крайность, будто бы не желая слиться с настоящей жизнью. В ранних романах этой болезни подверглась Настя в «Авиаторе», но другие герои всё-таки сохраняли живые черты.

Другая странность – повторение мыслей и сюжетных ходов, ранее встречавшихся в «Лавре» и «Авиаторе». К примеру, Майер, будто срисованный с Гейгера, о нём уже говорилось выше. Забавным кажется упоминание «Робинзона Крузо», который в «Авиаторе» стал чуть ли не идеологическим произведением. В романе «Брисбен» Глеб тоже находит эту книгу: *«Начал с Робинзона Крузо, прочитав которого, тут же перечитал ещё дважды... Стараясь ночью заснуть (теперь это удавалось с большим трудом), представлял себя на необитаемом острове. Или плывущим в подводной лодке. Во всех случаях от окружающего мира Глеба отделяла толща воды, и он чувствовал себя относительно спокойно».* Теперь о главных женских образах в романах. У Водолазкина они почему-то обязательно соотносятся с неудачной беременностью. В «Лавре» Устинья умирает во время родов, в «Авиаторе» Настя теряет мужа во время своей беременности, в «Брисбене» Катя бесплодна, а «беременность» украинской подруги Глеба переходит в фарс. Складывается впечатление, что схема используется автором не только в форменном построении произведения (главы, хронология), но и во внутреннем. Герою, чтобы разобраться со своим душевным разладом, необходимо обратиться к

детским воспоминаниям (во всех трёх романах эта отсылка присутствует), затем появляется несчастная героиня с беременностью, и заканчивается всё жертвой некоего юродивого. Разве что в первых двух романах юродивым является главный герой, юродивость эта проявляется в желании помочь другим людям, в «Брисбене» же на эту роль больше подходит девочка Вера. Однако можно и самого Глеба приравнять к тому же типу, по причине того, что Вера по-младенчески чиста, а юродивые, как правило, носят на своей душе какой-либо грех. Только за Глебом не наблюдается определённого греха, грызущего его душу. На нём не лежит прямого или косвенного убийства, что придавало весомости ранним героям писателя.

Ещё одно сходство «Брисбена» с «Авиатором» – предложение-лейтмотив, повторяющееся на протяжении всего произведения. Платонов в детстве от незнакомого старика слышит фразу: *«Иди бестрепетно».* Она сопутствует ему всю жизнь, тем самым направляя героя на верный путь. Несколько более необычен лейтмотив в «Брисбене»: *«Жутко жуку жить на суку».* Это скороговорка, которую Глеб слышит от учительницы русского языка: *«Лишь послушав Лесю Кирилловну, чувства жука можно было понять в полной мере. Некоторые плакали, глядя, как, стоя у стола, их учительница выпускала одну у за другой, и они бесконтрольно (и жутко) летали по класу».* Наглядно снижение серьёзности во втором примере. Серьёзности автора к своему произведению. Рассматривая суть названия, можно прийти к схожим выводам. Брисбен – олицетворение рая для героя. Ни он, ни другие герои в Австралии не были, да и сам город упоминается лишь в паре диалогов. Можно с уверенностью сказать, что попасть туда стремилась мать героя: *«Говоря о городе своей мечты, мать назвала Брисбен. Когда её спросили, почему именно этот город, ответила просто: красиво звучит... Годы спустя, когда Глеб уже заканчивал школу, Ирина на экономленные деньги хотела купить себе путёвку в Австралию. Её вызвали на парткомовскую комиссию, которая должна была разрешить ей поездку, точнее, как выяснилось, – не разрешить».* но Глеб не раскрывает, как он сам представляет этот Брисбен – и нужно ли ему туда вообще. Складывается впечатление, будто автор написал роман, а название небрежно выудил из создавшихся диалогов.

Книга обречена на провал, если она названа бестселлером ещё до ознакомления с ней публики. Премияльный процесс превратился в бессмысленные соревнования, где произведения создаются не для читателя, а для самой премии. Но чем всё-таки должен руководствоваться сам автор? Рейтингом продаж или стремлением прославиться благодаря своему литературному таланту, как некогда произошло с «Лавром» Евгения Водолазкина?

Ольга Владимировна ВАСИЛЬЕВА,
д.ф.н., проф. РГПУ им. А.И. Герцена

ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРОЕКТА «МАКСИМ ГОРЬКИЙ: PRO ET CONTRA»

(рец. на антологию: Максим Горький: pro et contra. Современный дискурс / сост. О.В. Богданова, В.Т. Захарова, Л.А. Спиридонова, М.Г. Уртминцева. СПб.: РХГА, 2018. 868 с.)

В 2019 году исполняется двадцать пять лет с того момента, когда в свет вышла первая книга в серии антологий «Pro et contra», выпускаемых Санкт-Петербургским издательством Русской христианской гуманитарной академии (ранее Русского христианского гуманитарного института), широко известных в нашей стране и далеко за рубежом. Серия «Русский путь» открылась в 1994 году антологией «Н.А. Бердяев: pro et contra». В популярной среди читателей и специалистов серии издаются емкие научные труды, включающие в себя тщательно отобранные и систематизированные материалы по жизни и творчеству выдающихся деятелей русской философии, истории, литературы, общественных движений, культуры и др. В этом ряду, насчитывающем более сотни персоналий, стоят имена таких выдающихся русских писателей и философов, как М. Ломоносов, Н. Карамзин, П. Чаадаев, А. Пушкин, М. Лермонтов, Н. Гоголь, В. Белинский, Ф. Тютчев, А. Герцен, М. Салтыков-Щедрин, Н. Чернышевский, Л. Толстой, А. Чехов, К. Леонтьев, Вл. Соловьев, В. Розанов, А. Блок, П. Флоренский, С. Булгаков, М. Зощенко, Е. Замятин, В. Набоков, Н. Заболоцкий, А. Твардовский, Л. Гумилев, В. Хлебников и др.

Одними из последних в серии «Русский путь» вышли в свет тома по творчеству «буревестника революции» А.М. Горького, в частности «Максим Горький: pro et contra (современный дискурс)» (СПб., 2018). Новая антология подготовлена в рамках проекта «Горький: pro et contra» при поддержке гранта РФФИ, который рассчитан на три года (2018–2020). Проект включает в себя издание трех томов-антологий. Первый том – «Личность и творчество Максима Горького в оценке русских мыслителей и исследователей. 1890–1910-е годы» – объединяет воспоминания писателей, современников Горького, – Бунина, Зайцева, Ходасевича, Анненского, Ремизова, Чуковского и др., мемуарные заметки как соратников-друзей, так и противников Горького (в стратегии *pro et contra*). С одной стороны, например, хвалебные (но и объек-

тивные) разборы произведений Горького Зайцевым или Ремизовым, с другой – эмоционально неприятельствующий отзыв Бунина, созданный (как ни странно) в связи с известием о смерти Горького. Особенностью первого тома становится взгляд на Горького не лакированный, отшлифованный идеологическими тенденциями, который позднее предложит советская критика, но взгляд знавших писателя современников, потому, по возможности, объективный и лишенный пиетета.

Наряду с «историческим» томом (взгляд из начала XX века) новый том комплекса антологий «Горький: pro et contra» охватывает вторую половину XX века, т.е. вбирает в себя суждения исследователей – писателей, литературоведов, философов, театроведов, культурологов – 1950–90-х годов, отчасти «советского» периода осмысления философии и эстетики Горького. Кажется, было бы верно с исторической точки зрения охватить мощный советский период отечественного горьковедения,

однако (на взгляд создателей антологии) еще не выстроилась та необходимая историческая дистанция, которая позволила бы сегодняшним реципиентам (читателям и специалистам) быть максимально объективными и независимыми от научной (нередко псевдонаучной) советской традиции и устойчивого горьковского революционного стереотипа. Массированность социологизированных и идеологизированных (по сути политизированных) оценок Горького, которые предлагала и настойчиво внедряла критика первой половины XX века, все еще вызывают активное отторжение в научной среде и порождают противодействие. Потому второй том антологии «Горький: pro et contra (современный дискурс)» вбирает в себя работы второй половины XX века (вплоть до начала XXI века), того периода в научном горьковедении, когда уже начинался процесс объективного (объективированного) осмысления творчества писателя. Между тем отдельные фрагменты и репрезентативные выдержки из работ советских специалистов – Б.А. Бялика, А.И. Овчаренко, И.К. Кузьмичева,

создавших современный фундамент научной базы горьковедения – включены во вторую книгу горьковской антологии.

Том антологии «Горький: pro et contra (современный дискурс)» – серьезный и ощутимый результат, достигнутый в рамках проекта, участниками которого стали авторитетные исследователи творчества Горького из Москвы, Санкт-Петербурга, Нижнего Новгорода, Казани, Самары и др. Среди них – главный редактор серии, крупнейший специалист по творчеству Горького, ученый с мировым именем, д.ф.н., проф. Лидия Алексеевна Спиридонова (ИМЛИ РАН). Наряду с отечественными исследователями активное участие в проекте приняли ученые и публицисты из других стран – как ближнего (Украина, Беларусь), так и дальнего зарубежья – Италия, Франция, Швейцария, Германия, США, Израиль. Среди них такие авторитетные специалисты-горьковеды, как Л. Оляндэр, М. Никё, М. Геллер, С. Роле, Б. Шерра и др.

Открывают антологию две статьи д.ф.н. Л.А. Спиридоновой «Творчество Горького и возникновение социалистического реализма» и «Тайна смерти Горького». Уже эти первые страницы антологии задают ракурс дихотомии и антитетичности, стилистики pro et contra, принятой в качестве структурообразующей в издании. Так, в первой статье крупнейший специалист по творчеству Горького убедительно и доказательно опровергает знакомый и, кажется, привычный тезис о причастности Горького к рождению в советской литературе метода социалистического реализма. Ученый с опорой на биографические и творческие факты из жизни Горького уверенно показывает, что ни к методу, ни даже к термину «социалистический реализм» писатель не имел прямого отношения. Во второй статье Л.А. Спиридонова внимательно разбирает, тщательно взвешивает и прорабатывает мельчайшие факты, известные сегодня, которые могли бы приоткрыть завесу над «темными» обстоятельством смерти писателя – случайность, закономерность, убийство, расправа, эксперимент? Исследователь отбрасывает легенды и домыслы, обращается к разным версиям в их первоисточниках, анализирует обширный материал и теперь научно обоснованно и однозначно утверждает (отстаивает) факт насильственного ухода писателя из жизни. По заключению ученого, «это была тщательно разработанная имитация естественной смерти (“смерть от болезни”), которую не раз применял “фармацевт” Ягода и его сообщники в 1930-х гг.».

В рецензируемом томе обширный и богатый материал расположен по разделам, каждый из которых составляют тематически и жанрово сближенные направления в творчестве Горького – ранние рассказы, драматические произведения, повести и романы, Горький и философские поиски начала XX века. Однако каждый из разделов формируется противостоянием различных точек зрения, «апологетов» и «низвергателей». Так, острую «антигорьковскую» позицию высказывают М.С. Азурский в работе «Великий еретик (Горький как религиозный мыслитель)» и Т.И. Дубинская-Джалилова в статье «Великий гуманист (По материалам переписки М. Горького и И.В. Сталина)». Написанные на рубеже перестроечного периода, эти работы отличает острота и даже язвительность авторских суждений и формулировок, яркий публицистический и агрессивно-эмоциональный пафос, решительность и решимость в разрушении сложившихся иерархий и при том – точность наблюдений и убедительность итогов.

Взаимодействие Горького с деятелями культуры начала XX отразили статьи В.А. Туниманова «Полемика Л. Андреева со статьями М. Горького «О “карамазовщине”» и «Еще о “карамазовщине”», М.Ф. Пьяных «М. Горький и суд над Достоевским в советской литературе 30-х годов (проблема трагического)», П.В. Куприяновского «К истории

отношений Горького и Бальмонта», Н.Н. Приличной «М. Горький и Д. Бурлюк: история литературных отношений», Т.Т. Давыдовой «М. Горький и Е. Замятин: к проблеме литературных связей». Интересные ракурсы представлены в работах С.Н. Тяпкина «Русские символисты в пародиях М. Горького» и М. Геллера «М. Горький и лагерь».

Среди ранних рассказов Горького наибольший интерес исследователей привлек триптих «Старуха Изергиль». В работе С.И. Кормилова рассмотрена «Мифопоэтика в “Старухе Изергиль”», ученый обнаруживает в горьковском тексте «весьма сложный синтез реалистического подхода с важнейшим романтическим элементом и показом архаического сознания, задолго предшествовавшего не только горьковскому, но и настоящему романтизму, сознания не только не тождественного, но в коренных основах противоположного романтическому». О.В. Богданова сумела в образах легендарных Ларры и Данко увидеть образы героев двойников, героев-отражения, опосредованных ницшеанскими идеями, не искусно, но искусственно сращенных ранним Горьким с христианскими мотивами.

В отдельные разделы антологии «Горький: pro et contra» выделены научные исследовательские материалы, связанные с пьесой «На дне», повестью «Мать» и романом «Жизнь Клима Самгина». В этих разделах размещены статьи, демонстрирующие новые интерпретации хрестоматийно известных текстов советского классика.

Глубокая и одновременно противоречивая статья известного горьковеда Г.Д. Гачева «Что есть истина? Прение о правде и лжи в “На дне” М. Горького» дополнена и уточнена работами современных исследователей. Если О.В. Богданова в статье «Истоки “нового гуманизма” в пьесе М. Горького “На дне”» предложила двухчастную формулу «истина или сострадание» заменить на триаду «пещерный человек > христианский человек > Гордый Человек» (Платон > Л. Толстой > Ф. Ницше), то О.В. Шуган в статье «“Золотой сон” и нирвана: отражение буддийских идей в пьесе М. Горького “На дне”» сумела показать в горьковских «картинах» элементы и мотивы буддизма, интересно продемонстрировав близость Горькому «восточной философии». Примечательные наблюдения о сценарии пьесы «На дне», выполненном Е. Замятиным для французских кинозрителей, высказала М.Ю. Любимова в статье «О законе художественной экономики, фабуле и новых концах...: Е. Замятин – сценарист французского фильма “На дне”».

С не меньшей очевидностью «современный дискурс» обнаруживает себя и в трактовке повести Горького «Мать» («Сын»). Интересные наблюдения над текстом повести, ранее высказанные С.В. Касторским в работе «К творческой истории повести М. Горького “Сын”», Г.А. Митиним в статье «Евангелие от Максима», А.Д. Синявским в эссе «Роман М. Горького “Мать” как ранний обра-

зец социалистического реализма» дополнены и подкреплены новыми суждениями и наблюдениями, предложенными И.А. Есауловым («У истоков трансформации пасхального начала: жертва и жертвенность в повести М. Горького «Мать» в контексте его творчества») и Е.И. Марковой («Креститель Руси Егорий и повесть М. Горького “Мать”»).

Наблюдения исследователей над «романом романов» «Жизнь Клима Самгина» формируют, пожалуй, самый емкий и наиболее перспективный для новых изысканий раздел антологии. Исследовательские суждения Л.К. Оляндэр («Горьковская художественно-философская модель русской жизни в романе “Жизнь Клима Самгина”»), В.С. Воронина («Фантазия и абсурд хронологического сдвига в “Жизни Клима Самгина”»), Е.Р. Матевосян («Жертвоприношение Авраама» как философский символ российской истории в “Жизни Клима Самгина” М. Горького») развиты и усилены точными и детальными наблюдениями над «импрессионистическим психологизмом» горьковского романа (В.Т. Захарова «Импрессионистический психологизм в романе М. Горького “Жизнь Клима Самгина”»), вниманием к экфраксису художественного текста (М. Никё «Экфраксис в “Жизни Клима Самгина” М. Горького»), новыми наблюдениями над жанровыми особенностями произведения (Т.Р. Гавриш «Повесть или роман? К вопросу о жанре “Жизни Клима Самгина”»).

Завершают антологию «Максим Горький: pro et contra (современный дискурс)» статьи о рецепциях горьковского текста в современной «филологической прозе» – Е.А. Добренко «Горький и другие», рецензия на книгу П. Басинского «Горький» (М., 2005), и М.Г. Уртминцевой, комментарий к фильму С. Митина «Плен страсти» (2010).

В плане создания антологии «Максим Горький: pro et contra (современный дискурс)» подготовка и выпуск третьего тома «горьковиады» – коллективной монографии «М. Горький: pro et contra. Личность и творчество писателя в оценках критиков, исследователей и деятелей культуры», которую планируется выпустить в будущем году. Однако уже сегодня можно сказать, что в выпущенных томах «горьковедческой трилогии» Горький представлен как неоднозначный и противоречивый писатель и мыслитель начала XX века, воплотивший в своем творчестве дух новых идей о «новом обществе» и «новом человеке». По словам ответственного редактора тома ректора РХГА проф. Д.К. Богатырева, «в личности этого неординарного писателя, а особенно в характере восторженного приятия или трагического неприятия им социальных идей, видится поистине масштабная фигура, которая со всей убедительностью требовала осмысления по методике “pro et contra”».

Наталья ПРОХОРОВА,
Москва

Прохорова Наталья Станиславовна родилась и живёт в Москве.

В 1997 г. окончила Московский институт коммунального хозяйства и строительства по специальности бухгалтер и аудит. 14 лет проработала бухгалтером в отделе хозяйственного обеспечения ГУВД по г. Москве. В 2010 г. получила диплом преподавателя богословия в Православном Свято-Тихоновском гуманитарном университете. С 2011 г. стала заниматься литературной критикой. Область интересов – это те нравственные устои, которыми награждает своих героев современный писатель, и насколько эти устои соответствуют православному вероучению. Первая публикация была в газете «Петровка 38». В дальнейшем публиковалась в «Литературной газете», «Приозерских ведомостях», в «Петербургском альманахе»; журналах: «Наследник», «Врата небесные», «Мгарский колокол», «Лампада», на многочисленных интернет-ресурсах. В настоящее время работает публицистом в журналах «Российский налоговый курьер» и «Зарплата», постоянный автор журнала «Лампада», член Международного клуба православных литераторов «Омилия». На регулярной основе сотрудничает в качестве технического редактора с издательством «Воскресение».

Есть два пути: путь жизни и путь смерти, велико же различие между этими путями.

«Дидахе»

Очень часто Господь приводит к Себе человека посредством книг, даже если они не имеют отношения к Священному Писанию и творениям святых отцов. А вот справится ли с этой задачей криминальный роман? Возможно ли в принципе существование такого жанра, как православный детектив? Тем более обращение к вопросу религии в книгах на сегодняшний день уже не редкость.

Чтобы ответить на этот вопрос, нужно в первую очередь разобраться, а готов ли современный читатель к подобному роду литературы. Ищет ли он в книгах только

ПРАВОСЛАВИЕ

В СЮЖЕТАХ

КРИМИНАЛЬНЫХ РОМАНОВ

удовольствий или чего-то более серьёзного? Именно поэтому начать разговор о криминальных произведениях мне бы хотелось с одной известной и таинственной истории, связанной с гибелью людей. Ей посвящено не менее десятка книг, сотни телепередач и тысячи публикаций. Я говорю о так называемой тайне перевала Дятлова.

В 1959 году при загадочных обстоятельствах погибла группа из 9 российских туристов, пытавшихся перейти одну из горных вершин Урала. В то время следователи не дали достаточно ясного объяснения случившегося. Реконструкция событий в приклизительной форме произошла уже в наше время. И, несмотря на достаточно простые разгадки всех тайн, история, тем не менее, обросла такими подробностями и многочисленными наслоениями на реальные факты, что перед этим меркнет и творчество Беляева, и Стругацких, и Герберта Уэллса, и Джорджа Оруэлла, и даже Стивена Кинга.

Каких только версий не выдвигается в одноименных книгах Буянова, Слобцова, Ракитина, Русланы Визбор и даже американского автора Донни Эйчера. Спутник-шпион, спецоперация КГБ, американская разведка, летающие шары, йети, ритуальное убийство местными шаманами... Версии с успехом получают многочисленные отзывы читателей, срывают тысячи «лайков» в социальных сетях.

Просто поразительно, с какой легкостью наш народ-богоносец в поиске «правды и истины» вляпывается в мистификацию, граничащую с безграмотностью и пещерным суеверием. И вот тут-то уместно задаться вопросом: почему так велик интерес к потусторонним тайнам?

Выражу свой взгляд коротко – люди не истины ищут, а нового, острого, возбуждающего и возвышающего наслаждения, причём не затрачивая для этого особых усилий.

Но важно помнить, что Господь Бог, влагая в каждого человека Свой образ, навсегда привязал нас к невидимому, небесному миру. Жажда духовной жизни в нас такая же естественная потребность, как еда, сон, вода и рождение детей. И, если человек воцерковлен, пребывает с Богом, молится и участвует в Таинствах, его потребность полностью удовлетворяется. Но это тяжёлый труд.

Вот и пытаемся мы заменить реальную церковную жизнь суррогатом, в том числе всевозможной мистикой, эзотерикой и разгадыванием многочисленных головоломок, дающих якобы какие-то особые знания, приближающие нас к «высшему разуму». На деле же подобные знания не являются духовными. Вышеперечисленное

создает лишь иллюзию некой духовности, оборачивающуюся в реальности псевдо-религиозностью.

Она сопоставима с суетой вокруг пусто-го колодца, которую с успехом используют многочисленные писатели, зарабатывающие на мистике и таинственности миллионные гонорары. В числе подобных писателей есть существенная часть авторов криминальных романов. Детективов, сюжет которых завязан на «неизвестных фактах» религии или произвольных толкованиях Священного Писания, с каждым годом появляется всё больше. Но есть ли от них хоть какая-то польза?

Например, периодически книжные полки пополняются творениями американского журналиста Дэна Брауна: «Ангелы и демоны», «Код да Винчи», «Утраченный символ» и т.д. Всё это детективы с претензией на исторические, предлагающие читателю отправиться на поиски христианских святынь и неких утраченных человечеством знаний. При этом, вероятно, подразумевается, что Библия на фоне этих познаний – азбука для первоклассника.

Несмотря на то, что даже самым преданным почитателям Брауна понятно, что любая его книга – это беллетристика и фантастика, типичный голливудский триллер, изложенный на бумаге и не имеющий никакого отношения не только к историческим фактам, но уж тем более к духовным познаниям. Тем не менее, отзывы на труды американца в интернете и печати не оставляют сомнений в том, что люди умудряются находить в этом серьёзный смысл.

Почему это происходит? Во-первых, это уже вышеупомянутая иллюзия сопчастности духовному миру. Зачем расставаться с яркой и насыщенной событиями жизнью, ограничивая себя в своих желаниях, когда можно начитать Дэна Брауна и убедить себя, что главное – иметь Бога в душе, а Священное Писание, опыт святых отцов и мучеников за веру – это удел дремучих людей, а я-то просвещённый?

Во-вторых, мода, которая как торнадо подхватывает человека, лишая его способности думать и силы сопротивляться. Её вихрь, чаще всего, несёт следователя в погибельном направлении. Человек не успевает сделать выбор между добром и злом, полезным и вредным. Привыкая следовать модным течениям, люди не замечают, куда их несёт, к какой бездне безнравственности и духовной пустоте.

В-третьих, Дэн Браун с успехом использует интересный, литературный приём, заключающийся в детальной раскладке каждой локации объектов мировой культуры. Этот же методом пользовался Толкин, и

благодаря чему получилось вполне себе реалистичное Средиземье.

Американец до мелочей описывает достопримечательности Капитолия, Ватикана, известных католических соборов и т.д. В «Утраченном символе», например, есть даже вкладыш с картой подвальных этажей Капитолия.

Это как игра в популярные пазлы, где нам предлагается сложить детали произведения искусства и исследовать их на предмет тайных символов. Кстати сказать, с таким же успехом можно искать скрытый религиозный смысл в «Чёрном квадрате» Релевича.

При этом американец оперирует «красивыми», но редко используемыми терминами типа: теория «десяти струн», «Малый ключ Соломона», «Большой ключ Соломона». Среднестатистический читатель (не профессиональный историк или религиовед), впервые слыша эти названия и не понимая, что за этим стоит, естественно, начинает копаться в энциклопедиях и википедиях.

Создается эффект присутствия и реального участия книголюбителя в «раскрытии тайны». На самом же деле, никаких реальных знаний этот приём не даёт, кроме как знакомства с шедеврами зодчества и живописи. А вот вреда от этого может быть очень много.

Ведь любой шедевр искусства или литературы призван через свою одухотворённость обращать внимание человека на всемогущество и милость Бога, дающего уникальные таланты людям. Вся красота мира, а за ним и искусство, отражающего этот мир, – это неписанное Евангелие, говорящее нам о Творце. Чем лучше картина или книга, тем больше в ней Бога.

Однако Дэн Браун окунает нас с головой в демонские расследования и кровавые убийства. Чего стоят только подробности диких расправ над кандидатами в Папы Римские в книге «Ангелы и демоны».

А «Малый ключ Соломона» – это не что иное, как средневековый гримуар по вызову демонов. И вот эта полуфантастическая бесовщина заполонила отечественный книжный рынок. И это в стране с многовековой православной традицией. Почитатели Брауна хлопают в ладоши и благодарят, что он открыл им глаза на происходящую действительность. Вопрос – на какую только?!

Ещё более потрясающий со знаком минус факт, что слава Дэна Брауна не даёт покоя и отечественным писателям. Стали появляться его последователи. Один из них – Дмитрий Миропольский и его «Тайна трёх государей».

Книга местами копирует стиль именитого американца, и она претендует на роль исторического детектива, хотя по существу оказывается причудливым, фантастическим изысканием писателя, притягивающего известные факты к своему бурному воображению. Таинственная и загадочная квинтэссенция исторического заблуждения с элементами жёсткого экшна.

Действие происходит в Санкт-Петербурге, главный герой «Тайны трёх государей» – учёный Мунин. Волей случая его исследования получают широкую огласку, так

как в них обнаруживается «раскрытие тайны». Оказывается, Иван Грозный, Пётр I и Павел I следовали секретным инструкциям и готовили почву для хранения – ни много ни мало – Ковчега Завета.

Достижение цели государями сталкивает между собой могущественные силы: Орден Розенкрейцеров, Академию безопасности России и Интерпол. Им противостоят сам Мунин, некая мулатка и бывший спецназовец Одинцов, уже в годах, но вроде Рембо.

«Вишенкой на торте» в стиле Шелдона служит теория заговора и столкновения финансовых магнатов, незримо управляющих миром. В ходе повествования выясняется, что все три российских самодержца имели много общего в своих стремлениях и логике, а значит, они работали по одной программе.

К слову сказать, Ковчег Завета – величайшая святыня еврейского народа, в котором хранились скрижали с выгравированными Заповедями Божиими, полученные пророком Моисеем от Самого Бога на горе Синай, – исчез перед разрушением Иерусалимского храма царём Навуходоносором в 586 году до Рождества Христова. Среди сокровищ, которые похитили вавилоняне, Ковчега не оказалось. В официальных исторических источниках и Церковном предании упоминаний о святыне больше не встречалось, хотя попытки установить его судьбу предпринимаются учёными и богословами по сей день.

Само собой, что «открытие» Миропольского не более чем богатая фантазия. Честно говоря, такого искажения отечественной истории не встретишь даже в учебниках, выпущенных в Советском Союзе.

И это страшно, ибо ещё великий Михаил Ломоносов в своём научном труде «Древняя Российская история» сказал: «Народ, не знающий своего прошлого, не имеет будущего». Действительно, у нас не сможет сложиться нормальное будущее, если мы свою российскую историю будем черпать из «Тайны трёх государей» и ей подобных.

Естественно, что труды Миропольского и Брауна нельзя отнести к разряду христианского детектива. Скорее наоборот, эти произведения – полнейшая профанация религии, они сеют дух недоверия к Богу.

Ближе к миссионерской роли подошли клерикальные детективы, о которых мы теперь и поговорим. Подобный род криминальных романов часто встречается среди западной литературы. Их особенность в том, что в роли сыщика выступает духовное лицо или мирянин, выбравший добродетельный путь. В расследовании он опирается на нравственные основы своего вероучения, и это помогает в разрешении сложных ситуаций.

Самый яркий пример клерикального детектива, это истории об отце Брауне – герое романов Герберта Честертона. Расследуя преступление, этот неприметный, порой рассеянный и смешной католический священник всегда старается встать на место другого человека, даже если тот негодяй. А для этого требуется недюжинная доля смирения. «Человек, который всё время слушает о грехах, должен хоть немного

знать мирское зло», – размышляет отец Браун в рассказе «Сапфировый крест».

К этому же жанру относится книга Энтони Баучера «Девятью девять». Где на борьбу со злом поднимается смелая монахиня Урсула из ордена сестёр Марфы и Марии. По-своему интересна серия книг Гарри Кемельмана о рабби Дэвиде Смолле, пускающего в ход богатую религиозную мудрость.

Все эти труды, а в особенности произведения Честертона, объединяет мысль, что в основе преступлений лежит гордость – мать всех пороков, а также сребролюбие, прелюбодеяние, эгоизм, жажда обладания и власти.

Например, в романе Татьяны Устиновой «Сразу после сотворения мира», убийство жителя дачного поселка «Остров» совершил его зять из-за жадности и желания обладать дорогой квартирой в центре Москвы. Причём сразу же после убийства он ещё и громит дачу соседа. В последствие убийца признаётся следователю, что он был счастлив, когда разнесил соседский дом по щепкам.

Об этом, вполне в духе христианства, говорит отец Браун в рассказе «Летучие звёзды»: «никому никогда не удавалось удержаться на одном уровне зла – этот путь всегда ведёт под гору». То есть один грех неминуемо влечёт за собой другой. Страсть имеет свойство нарастать молниеносно, пока человек опомниться не успел.

И дальше, когда пойдёт речь о православных криминальных романах, вы увидите, с какой решительной силой эта мысль прозвучит в книге Дмитрия Корсунского.

Кстати сказать, важной сюжетной составляющей клерикальных детективов является не наказание преступника, а его покаяние или исправление. Например, в произведении Салли Райт «Убийство в университете» профессор Бен Риз, ведущий следствие, совершенно искренне отправляет обвиняемому в убийстве преступнику книгу Карла Льюиса «Хроники Нарнии», надеясь, что этот труд возбудит в нём мысль о Боге.

И это не настолько наивно и невозможно, как кажется. Недавно в одной из Петербургских православных молодёжных общин был случай, когда молодая девушка пришла к Богу, именно начитавшись «Хроники Нарнии».

Поэтому сбрасывать со счетов клерикальные детективы не стоит, хотя до православных они во многом не дотягивают. «А в чём же разница?» – спросите вы. Разница такова, что в православном детективе линия расследования – это фон, на котором раскрываются важнейшие православные догматы о покаянии, причастии, Страшном Суде, молитве, жизни по заповедям Божиим.

Ничего этого в клерикальных произведениях нет. В них даются лишь общие суждения, что красть грешно, а быть добрым – это хорошо. Это такая намёточная нравственность. Те, кто умеют шить, меня поймут. Прежде чем подкладывать ткань под машинку, швея сначала намечает границы будущего стежка.

Так и здесь, автор лишь проводит чуть заметную линию, отделяющую зло от добра, ориентируясь на Заповеди Божии: если человек безбожник, то он порочен, а живущий с Богом – светлее, добрее, чище, теплее.

Однако окончательно ткань писатель не скрепляет. Вы не найдёте здесь ярких образов, живущих по Евангелию; душ нараспашку, ищущих Бога и проходящих мучительные круги расставания с прошлым через падения, покаяние, приход в храм и заблуждения. И уж тем более в этих детективах нет православных рассуждений о месте и назначении человека в этом мире.

Хотя, справедливости ради, стоит отметить, что первые попытки создать христианский детектив у нас в России были сделаны именно на основе западных клерикальных романов. Первопроходцами после долгих лет безбожия стали Юлия Вознесенская с серией книг «Русские дела» графини Апраксиной и Надежда Смирнова с трудами «Сокровища Параскевы Пятницы» и «Тайна старой Псалтири».

Им удалось создать нечто близкое к подлинному православному детективу. В первых, героини их произведений в расследовании преступлений опираются на свои религиозные убеждения, они верующие люди. К слову сказать, в западных религиозных трудах верующий или даже священник спокойно может стать преступником. Так было в повести Честертона «Молот Господень». В православных книгах верующий на то и верующий, что он может совершать какие-то ошибки, все мы грешные, а потом каяться, но уж точно он не становится уголовником. В нашей традиции это неприемлемо.

Во-вторых, в книгах поднимаются сложные духовные вопросы. Например, насколько глубоко может согрешить человек ради обогащения. Параллельно читателя ведут к осознанию, что наше земное богатство ничего хорошего нам не приносит, что только покаяние спасает человека. Такую мысль можно проследить в детективе «Сокровища Параскевы Пятницы».

Равно как и графиню Апраксину больше занимает душа человека, нежели разоблачение убийцы. В одной из книг трилогии она расследует убийство, и её привлёк нателный крестик, найденный в вещах жертвы. И вот тут начинается самое интересное, потому что Апраксина не столько выясняет причины убийства, сколько тревожится вопросом: а не было ли это самоубийством. Не впал ли человек в смертельный грех и не загубил свою душу?

Однако все эти труды только первые ласточки, хоть и неплохие, но всё же относящиеся больше к православной беллетристике. А вот дальше вышли в свет очень серьёзные миссионерские криминальные произведения, открывающие посредством сюжетов большую часть православного вероучения. Это роман Олеси Николаевой «Меценат» и роман Дмитрия Корсунского «Время возврата».

«Меценат» – толстая по объёму книга. В её основе лежит убийство наместника монастыря Авеля. Подозрение падает на бывшего миллионера Берга, а ныне монаха

Елисея. Но детективная линия – это лишь подложка для того, чтобы в первую очередь показать становление личности Александра Берга, а во-вторых, вскрыть нарыв всего нашего общества, а в особенности интеллектуальной элиты, которая уже более 30 лет имеет свободу вероисповедания, но так и не научилась быть православной. Главный смысл книги можно выразить такими словами: называя себя рабами Божиими, мы ищем в Церкви своего и только своего.

В какой-то степени роман Николаевой – это учебник по православному богословию. Чего только стоит рассуждение о зле.

«... зло не есть, поскольку не имеет сущности. Что это значит? Что его – нет? Но мы видим, что оно есть, оно наличествует в мире с избытком. "Мир во зле лежит". Значит, чтобы "быть", оно должно паразитировать на чём-то сущем, на том, что "есть". Оно берёт в употреблении эту чужую сущность и использует её в своих целях. Однако Бог есть Сущий и Источник жизни всякой сущности. Поэтому зло не может победить Его и отторгнуть у Него именование, оно не может насильно прилепиться к такой сущности, которая не искривлена и не отпала от Бога, но только к такой, которая сама желала искривить свои пути, удаляясь от Творца. Поэтому корень зла – в испорченной человеческой воле... Сила его не в творении нового, а в искажении того, что Господь создал чистым и благим» («Меценат» из-во Сретенского монастыря 2013 г.).

Но детектив Николаевой очень труден для понимания, очень жесткий и предполагает наличие у читателя определённых догматических знаний. Кроме того, поднимая бесчисленное множество духовных вопросов, он носит скорее разоблачительный характер. Он не даёт человеку главного – понимания, как собственно жить-то в таком мире по-Божески.

Именно поэтому мне лично ближе книга Дмитрия Корсунского «Время возврата», потому что она решает эту проблему. Это произведение показывает, что в наше время можно жить, исполняя все заповеди Божии. И не только показывает, но и объясняет на примере своих героев, как это делать.

В основе этого труда лежит детективная линия, рассказывающая о расследовании убийства теневого миллионера Гусева, которое медленно, но верно выводит главного героя – старшего оперуполномоченного по особо важным делам Николая Иванова на вороватых мздоимцев из высших эшелонов элиты Санкт-Петербурга.

Наряду с основной фабулой романа, как лучи от солнечного диска, расходятся в разные стороны множественные параллельные сюжетные линии. Духовное преобразование вора-рецидивиста Подболотина. Судьба афериста Юрки Залетаева, который в душе давно уверовал в Бога, но перешагнул предел, после которого раскаяние уже невозможно. Страдая душевно, он заливал всё водкой, пока Господь не превратил его мучения смертью.

Дивные картины возрождающегося монастыря, собравшего под своей крышей, как птица в гнезде, разномастных людей со

своими страстями и вопросами. Безбожие Гусева, который даже в смертельной болезни продолжал цепляться за каждый рубль. Роман очень насыщенный и по встречающимся там образам, и по тем вопросам, которые в нём поднимаются.

Но центральной фигурой романа остаётся оперативник Николай Иванов. Это собирательный образ, но вполне реальный. Он молод, умен, честен, добросовестно исполняет свой долг, раскрывает преступления различного характера: от мелкого жульничества до крупных финансовых афер петербургских миллионеров, прикрываемых крупными чиновниками. Но интересен он не столько этим, сколько тем, как его труд перекликается с его духовной жизнью, размышлениями о Боге, Родине, вере. Получается интересное сочетание теории и практики.

Не погрешу, если скажу, что Дмитрий Корсунский вносит существенное новшество в образ сыщика в криминальной литературе. Он не просто воспроизводит образ положительного сотрудника сыска, а делает это в сочетании с духовной внутренней борьбой героя книги и ведением им дела, опираясь на Заповеди Божии. И всё это на фоне нашей современной жизни.

Разумеется, что любители детективов сейчас воскликнут, что в отечественной и зарубежной литературе есть масса примеров положительных сыщиков. Взять, предположим, упомянутые клерикальные повести или произведения советского периода, где каждый милиционер – образец добродетели. Но так ли это на самом деле?

Например, образ следователя в советское время должен был подчиняться строгой регламентации. Существовал даже своего рода Госстандарт на такие черты личности, которые обязаны были быть у блюстителя порядка.

Милиционер того времени – человек со всех сторон положительный, не имеющий право даже на малейшую слабость. Он честен, обязательно умней, хитрей и ловчей преступника. Горячо предан своему делу. Не всегда, но часто не имел даже личной жизни. Интересная особенность, в советском детективе милиционер не мог быть убитым. Ранен – ещё куда ни шло, но убит – никогда. Примеров образцовых советских сыщиков достаточно много: Павел Павлович Знаменский, Фёдор Иванович Анискин, лейтенант Сергей Коршунов из романа А. Адамова «Дело пёстрых» и многие, многие другие.

Однако ни они, ни герои западных христианских детективов, ни даже героини Вознесенской и Смирновой не задумывались: «А не отошла ли от меня Божия благодать?» Ведь это архиважно, так как Божия благодать рождает истинную любовь к человеку. Не к закону, не к своему делу, а в первую очередь именно к человеку. Важно-то ведь не просто раскрыть преступление, посадить виновного за решётку. Главнее другое – помочь ему стать человеком, истинным творением Божиим, привести его к покаянию, к очищению своей души, к Богу, к Царствию Божию.

И если графиня Апраксина и волновалась о людских душах, то это не исследовалось

в рамках Божественного замысла о людях. Автор просто описала её как нравственного, верующего человека, не вдаваясь в тонкости: а почему именно так правильно, а не иначе. В книгах Вознесенской нет разъяснения поступкам с точки зрения православного вероучения.

Равно, как и разбираться в тонкостях душевной организации, было не принято в советской литературе. Как говорил Глеб Жеглов: «Вор должен сидеть в тюрьме, и людям неважно, как я его туда посажу». А вот Николай Иванов, раскрывая преступления, задаётся очень важным вопросом: «Живу ли я по Законам Божиим, и не отошла ли от меня Божия благодать? Возможно ли служить закону уголовному прежде закону Божию?».

Для наглядности, вернёмся чуть-чуть назад, когда мы говорили о клерикальных детективах, где прослеживалась мысль, что один грех неминуемо влечёт за собой другой. Давайте посмотрим, как эту мысль преподносит Дмитрий Корсунский.

Сюжет такой: не выдержав испытание временем, молодой оперативник изменяет любимой с другой девушкой. Вскоре она уезжает за границу. Мимолетная связь принесла главному герою духовное опустошение.

И с какой удивительно тонкой психологической точки зрения автор показывает и сладость страсти, и тяжесть ответа перед Богом.

«Николай снова почувствовал, что сам опрокинул сосуд, в котором нёс драгоценную, животворящую влагу. Только теперь он всерьёз задумался почему, встретив Марину, почти перестал совершать утреннюю и вечернюю молитву. Ему было тяжело встать на молитву, когда она была рядом. От него ушло молитвенное состояние души, в котором он раньше обычно находился. Вместо него появилось приятное чувство расслабленности, умиротворяющее всё тело и снимающее всё напряжение борьбы. И в этом состоянии наступало безразличие ко всему внешнему миру. Лишь длилась и длилась чувственная сладость тела. В нём притупилась сострадательность к жертвам преступников и неприязнь к коррупции. Почему?.. Не исполняешь одну заповедь, значит, весь закон не исполняешь. И какая мне польза в посте, когда я снова согрешаю? Кто услышит молитву мою?»

Если бы я был со Христом, то Святой Дух был бы во мне и моё тело было бы мертво для греха. А так выходит, что я отличаюсь от преступников всего лишь внешней формой греха. Ничуть не лучше их.

И ещё окаяннее – свой грех сознаю, и, имея возможность для отказа от него, продолжаю им наслаждаться. Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного».

Итогом этого эпизода стало осознание Николаем, что нарушение и одной Заповеди Божией ведёт к нарушению всего Закона. А если он сам нарушитель, то может ли он осуждать преступников? Ведь для Бога и прелюбодеяние, и воровство – грех. И никому не ведомо, что на весах Божиего правосудия тяжелее.

Как видим, разница между клерикальным и православным детективом ощутима, так как даже у Честертона нет такого анатомического исследования человеческой души, впадающей в грех. Нет этого, к сожалению, и у Вознесенской со Смирновой. Там всё скорее поверхностно.

Кто-то из читателей, наверное, скажет: «Раз книга написана согласно православной традиции, то она наполнена всевозможными нравочужениями». А напомним ему любую притчу, и он с ней согласится, хотя бы и с трудом.

Свет православия, освещающая характеры героев и сюжет книги, естественен и привычен. Так и дневной свет. И глаз не режет, и видишь ясно. И в целом представленный криминальный роман вполне современный, но не поповский и не кровавый, хотя убийств, мошенничеств, коррупции в нём хватает.

Кстати сказать, если герои романов ориентируется не столько на Божественные Заповеди, сколько на самостоятельно установленные границы добра и зла, то в этом случае происходит синтезирование этих понятий, что приводит к плачевным результатам. И чтобы убедиться в этом, обратимся к конкретным сюжетам.

Например, во «Время возврата» в монастыре, где Николай Иванов иногда проводил отпуск в качестве трудника, он встречает рецидивиста Валеру Подболотина. Тот в свою очередь уже дошёл до последней грани отчаяния и жаждет покаяния, определив для себя, что является со всех сторон для общества человеком вредным, но при этом надеется всё же на милость Божию, и никак не может ни предстать под омофор священника, ни расстаться с преступной жизнью. Ища выход из тупика, Валера приехал в монастырь.

Но для оперативника он ценный субъект, в том плане, что его вербовка и свидетельские показания значительно бы облегчили следствие. Что сделал бы герой какого-нибудь современного детектива, например, Фандорин. Да завербовал бы, и всё, недолго рассуждая. А вот что думал по этому поводу герой Дмитрия Корсунского.

«Если бы их встреча произошла в городе, то Николай, скорее всего, попробовал бы его завербовать. Была бы эта вербовка оправдана? “Свой” в преступной группе – это залог успеха... Однако нужно было учитывать и другую сторону. Начав с ним оперативную работу, Иванов, пусть даже и вынужденно, но подталкивал бы агента находиться среди бандитов и, как следствие, быть, как минимум, косвенным соучастником преступления... А дальше... Есть ли у него уверенность, что закоренелый преступник снова вернётся в монастырь? Чужая душа – потёмки... Что делать? Не лучше ли ничего не делать? Пусть спокойно в монастыре грехи замаливает, да трудится по мере сил. Нужно всегда давать человеку возможность жить по православному...».

Николай не только не сделал из Валеры своего агента, но узнав, что тот участвовал ещё в одном ограблении, пожалел и не стал арестовывать. Знакомая ситуация, не

правда ли? Сыщик отпускает преступника на свободу – подобное явление, частый гость в криминальной литературе. Но тут важна цель, с которой он этой делает. Николай отпустил Валеру из любви к ближнему, потому что знал, что тот встал на путь Божиих заповедей. Иванов не принимал на себя роль прокурора: хочу казнь, хочу милую.

В этой связи решу напомнить самый известный детектив с подобным сюжетом – «Убийство в восточном экспрессе» Агаты Кристи. Эржоль Пуаро – легендарный сыщик, расследовав дело об убийстве Сэмюэла Рэтчетта (Кассетти) группой лиц, отпускает убийц и не сообщает о них полиции.

Так в чём же поступок Иванова отличается от аналогичного действия героя английской литературы, ведь Рэтчетт изуверски разделался с маленькой девочкой Дейзи Армстронг, а потом, подкупив судью, избежал наказания. С точки зрения здравомыслящего человека он заслужил смерть. Тем более убийцы были либо родственниками девочки, либо пострадавшими от этой истории.

Но в том-то и дело, что именно в мотивах двух следователей и кроется главный козырь, разводящий один и тот же поступок по разную сторону добра и зла. Пуаро отпустил мстителей, потому что взял на себя роль судьи. Им двигала не любовь к ближнему, а чувство справедливости: Кассетти заслуживает смерть от руки его жертв, и точка. Но ему никто не давал право судить, он частный детектив – не более.

С точки зрения Божественных заповедей, поступок пассажира поезда – это произвол, смертный грех и преступление. Никому не дано право, отнимать жизнь у кого бы то ни было, кроме Господа Бога, как бы нам не казалось это правильным и справедливым.

Здесь не идёт речь о душе человека. Легендарный сыщик не об этом думал, а должен был бы. Ведь в глазах Божиих все участники этого суда Линча такие же преступники, как и Рэтчетт, которым придётся держать ответ на Страшном Суде. При этом Пуаро, присваивая себе то, что принадлежит только Богу, автоматически становится соучастником их преступления.

Почувствуйте разницу. Подболотин, во-первых, хоть и баловался ножиком, но был вором, а не убийцей, а во-вторых, он не остался совсем безнаказанным, он долгое время провёл перед этим в тюрьме, принёс искреннее покаяние Господу, и будет искупать свои грехи трудом, постом, милостыней, добрыми делами, молитвой и помощью ближним. Вот как размышлял сам Валера.

«Душа, надломившись тяжестью прошлого, желала полного, ничем не нарушаемого покоя. Она ожидала освобождения от земных тягот и страстей, а скорпион и змея снова вонзали в неё смертоносное оружие.

Такую воровскую жизнь можно только проклинать. И просить у Бога об одном – сократить её. И чем скорее, тем лучше. Уйти из неё... Но куда? Будет ещё хуже. Совсем голову потерял. Не понимает, чего хотел просить. Нужно всё терпеть до конца. Хоть жизнь вора и проклята, а всё же с надеждой. Семикратно он за грехи наказан,

но это только начало бед, если даст отчаянию полную волю.

Самые горькие, тяжкие и безотрадные мысли лезли в голову и подмывали пойти в магазин, купить водки и с горя напиться в стельку. Однако он удержался последним усилием воли. Он на свободе, а значит и есть возможность жить честно и богоугодно. Нужно было всеми силами преобразовать душу, просить у Бога прощения за грехи и стремиться к истинному соединению с Господом.

Войдя в церковь, Валера, стараясь быть неприметным, прошёл в правую часть и остановился у иконы святого Николая Мирликийского. Рядом с Чудотворцем стало спокойнее... Сверху зазвучали необыкновенные, очищающие душу слова хора:

— Святой Боже, Святой Крепкий, Святой Бессмертный помилуй нас.

Валера почувствовал прилив сил, прекрестился и с тихой радостью поклонился образу Спасителя мира...

Надежда снова обновила всю душу Подболотина, и тело не ощущало усталости от непривычного раннего подъёма и стояния во время богослужения... Новая сила, вошедшая в него, давала жизненную опору, но что-то смущало. Очевидно осознание того, что нужно было не только верить, но и подтверждать свою веру добрыми делами.

Что сделать доброго? Подобрать бродячего щенка? Подать милостыню? Но сначала нужно заработать честный рубль, устроиться грузчиком и хотя бы навести дома порядок и очистить его от грязи. И вытащу кота из кладовки, хватит ему пыли собирать. Назову его Боцманом».

То есть, понятно, что в данной ситуации поступок Николая Иванова способствовал преобразованию воровской души, её спасению. А вот пассажиры восточного экспресса отправятся по своим делам с твёрдым убеждением, что месть — это вполне законное деяние, раз сам известный сыщик поддерживал их в этом. Налицо потворство греху.

И автор, который возводит подобное поведение в добродетель, совершает страшную ошибку. Он создаёт у читателей иллюзию, что можно жить справедливо, не руководствуясь Евангельскими принципами, а опираясь лишь на собственное представление о добре и зле, в крайнем случае, на принятое в социуме.

А ведь когда Господь спрашивал у премудрого Соломона, что ему подарить, тот попросил у Господа дар отличать добро и зло. И Бог не только наградил его этим талантом, но ещё и богатства, и всех благ прибавил. Если вдуматься, почему Всевышний обрадовался просьбе Соломона? Да потому что умение отличать добро и зло — это самое важное в нашей жизни.

Очень часто мировоззрение людей бывает далеко от совершенства. Весьма выразительно, в своей манере об этом сказал горе-революционер Шатов из «Бесов» Ф.М. Достоевского. «Никогда разум не в силах был определить зло и добро или даже отделить зло от добра, хотя приблизительно; напротив, всегда позорно и жалко смешивал...»

И, к слову сказать, хотя и далековато от православного понимания, но очень даже неплохо эта тема развита в нашумевшем романе Грегори Робертса «Шантарам». Труд не безупречен, конечно. Там много воды и спорных моментов, особенно если давать христианскую оценку произведению. Но философские рассуждения главы Бомбейской мафии Кадербхай можно сравнить с мыслями человека, стоящего на берегу океана и глядящего на далёкий горизонт. Он видит, что земля сливается с небом, и пытается размышлять, как такое возможно. Но чтобы окунуться в эту тайну изнутри, ему не хватает членства в Церкви Христовой, участия в Таинствах, молитве, богослужении.

Философское изъяснение добра и зла главы мафиозного клана состоит приблизительно в следующем. Вселенная развивается от простого к сложному и постоянно усложняется (стремится к максимальной сложности — Богу в своём роде). Иногда мы творим добро во имя зла и, наоборот, творим зло во имя благой цели.

Чтобы понять, что же на самом деле добро и зло, нужно ответить себе на два вопроса: способствует ли совершенное деяние усложнению вселенной? И что будет, если подобное будут творить многие? Как пример объясняется, почему убийство считается злом. Все мы знаем, что это так, но почему — обычно это общие рассуждения, что нельзя отнимать у человека жизнь, не ты её давал и прочее. Ответив на два вопроса — получится и ответ. Поэтому любое убийство — это зло, даже если это самооборона.

В принципе, Кадербхай прав. То, что приближает человека к Богу, — это добро, что удаляет — зло. Критерий тут только один — Господь Бог. А если без Бога, тогда как в детективе Николая Свечина «Банда Кольки-куна», где мнимая добродетель привела к очень тяжким и кровавым последствиям.

Из японского плена возвращается группа бывших солдат под руководством Николая Куницына, по прозвищу Колька-кун, чтобы творить в России революцию. Сыщик царской полиции Алексей Лыков, которому поручено обезвредить банду, проникся душой к преступникам. Уж больно простыми, бесхитростными, непосредственными, правдивыми показались ему эти мужички, желающие бескровной смены власти в стране.

Его даже не смутило, что они упрямо утверждали, что Бога нет, а значит всё позволено. Нарушив присягу, Лыков помогает банде скрыться. Какого же было его удивление и разочарование, когда его мужички оказались во главе кровавых бунтовщиков на баррикадах Москвы в 1905 году. Апофеозом этого «благородного» поступка стал поджог Колькой-куном ещё живого солдата Стрелецкого полка.

Финал этой трагедии вполне ожидаем, все члены банды погибают. Правда, там есть один исключительный эпизод. Последний выживший куновец после революции 1917 года спасает от расстрела сына Лыкова. А подоплёка эпизода такова, что царский сыщик вылечил больного бандита, то есть совершил добродетель уже чисто в

христианском духе. Вспомним притчу об избитом самарянине. И Господь вознаграждает за истинное добро, даря жизнь сыну главного героя. Не исключено, что и бандит-то этот выжил только для того, чтобы впоследствии воздать добро за добро и самому хоть чуть-чуть очистить душу.

Остальные члены банды, как уже было сказано, до октябрьской революции не дожили. Почему такой финал закономерен? Потому что, если Спаситель видит, что человек уже не остановится в своих беззакониях, то забирает душу, дабы не навешать на неё ещё более тяжких прегрешений.

И тут опять стоит вернуться к роману Дмитрия Корсунского, чтобы посмотреть, как страшно бывает осознавать, что ты стоишь у той черты, когда покаяние уже невозможно. Подобное состояние пережил главарь одной из банд Борис Утробин после своего ареста.

«Тяжесть предстоящей расплаты подавляла волю, лишь расчётливый ум всё искал и искал лазейку, через которую ещё можно было ускользнуть от беды... А когда они ехали по Литейному проспекту, его взгляд остановился на Спасо-Преображенском соборе, и он всё понял. Понял, Кто положил предел. От Кого пришлось возмездие. Ему захотелось броситься в собор и просить прощения за всё совершённое зло, за свою гордыню, самонадеянность и подлость».

До него дошло самое страшное: он не может раскаяться. Груз, находящийся за его плечами, не позволяет этого сделать. Утробин сник. Перед ним промелькнула вся жизнь. Что ему осталось? Ведь не оперативники затравили «вожака». Не сотрудники милиции вынесли ему приговор и определили его судьбу».

Не хотелось ни плакать, ни раскаиваться. Борис Иванович Утробин стал тем, кем всю жизнь стремился стать — «вожаком волчьей стаи». Хотелось лишь одного, чтобы быстрее всё закончилось, определилась мера наказания, и началось его осуждение».

Опытный «вожак» готовился к последнему прыжку, но прыгать не было сил. За пределом его возможностей расстилась неведомая, лучезарная, светлая жизнь. Прыгнуть в неё он не мог и не хотел...

Он ни о чём не жалел, ничего не просил, ничему не верил... Внезапно он глянул на город настоящим волком, захотелось сорвать с себя крест и растоптать его ногами. Не хочу никакого креста, дайте дожить спокойно! Совершив множество преступлений и глупостей, он гневался на Бога...

Осознание бессмысленности, лукавства угнетало душу, жившую во лжи и во злобе великое множество лет, тем более, что главарь банды раскаивался только в одном — в своей ошибке, которая привела его к аресту».

Вот так возвращает Дмитрий Корсунский забытую в наше время традицию гуманистического подхода к анализу поступков человека через призму православной веры, опираясь на главный христианский постулат, что человек создан по образу и подобию

Божиему. И тут же автор криминальной повести на реальных примерах своих героев доказывает, что у любого злодеяния есть предел, положенный верой, надеждой и любовью.

И если искра Божия, укорененная в человеческой природе, не помешает ему перешагнуть ту грань, после которой он перестает быть человеком. Это та самая надежда, о которой свидетельствовал апостол Павел. Образ Божий «для души есть как бы якорь безопасный и крепкий, и входит во внутреннейшее за завесу» (Евр. 6:19). Тогда конец бесчеловечности кладёт Бог, и короли преступного мира гибнут в расцвете сил от рук поделщиков, от несчастных случаев, от неизлечимых заболеваний.

Между прочим, тут важен ещё такой фактор, как авторское отношение к происходящему. Недостаточно просто описать, что думает преступник или сыщик. Обратите внимание, что жанр криминального романа предполагает кровавые сцены, убийства, жестокость и прочее. Всё это есть и в «Меценате», и в «Время возврата». Иное дело, какую позицию по отношению к злодеяниям занимает сам писатель, как проводник своих идей в массы.

И вот тут мне приходит на ум роман Валентина Пикуля «Нечистая сила». Безусловно, это не детективная и не криминальная литература. Но в нём присутствует сюжет, когда вершится убийство во благо общества. И тот антураж, с которым автор расписывает убийство Распутина, заслуживает нашего внимания для полноты картины.

Но сначала хотелось бы сказать несколько слов о самом произведении. Я начинала читать его не менее трёх раз, потому что мерзость, с которой начинается книга, вынуждала меня ставить её обратно на полку.

Бесспорно, правление Николая II заслуживает разных оценок, и Пикуль прав, что под влиянием своей супруги последний русский император совершил множество тяжёлых ошибок, повлекших за собой события 1917 года. Поэтому в какой-то степени его мученический венец — это искупление. За свои грехи он заплатил собственной кровью и кровью своих детей. Это слишком дорогая цена, отдать которую не каждому под силу.

С другой стороны, Романовы — это образцовая, истинно верующая, благочестивая семья. Между супругами и детьми царилась любовь небывалой глубины, не исковерканная подменными понятиями слепой страсти.

Поэтому делать из императрицы и её окружения распутных женщин с неустойчивой психикой, а именно такой предстает святая страстотерпица Александра Фёдоровна в романе Пикуля, из императора лепить развратника — это выставить себя в позорном, невежественном свете, на мой взгляд. Лично у меня после прочтения «Нечистой силы» родилось только одно желание — пойти и вымыть руки.

Однако вернёмся к убийству Распутина. По сущности, оно сходно со злодеянием

Раскольников: зарубить ради блага общества вредную старуху. Мотив у князя Феликса Юсупова и его сторонников был тот же, только масштаб шире. И каковы бы ни были их благие намерения, но расправа над человеком — это же самосуд, о котором здесь уже не раз говорилось.

Приведу отрывок из воспоминаний Великого князя Александра Михайловича, он был в числе первых, кто сообщил о «казни» Распутина вдовствующей императрице Марии Федоровне, всем сердцем чаявшей удаления Гришки от двора.

Однако, «мысль о том, что муж её внучки и её племянник обагрили руки кровью, причиняла ей большие страдания. Как императрица, она сочувствовала, но как христианка она не могла не быть против пролития крови, как бы ни были доблести побуждения виновников».

Вот истинное христианское понимание действительности, во многом утерянное в наше время. Но почему я упомянула именно роман Пикуля? Потому что для нас важна ещё и реакция автора на происходящие события. Ведь когда мы читаем какую-либо книгу, мы всегда вступаем в диалог с личностью её создателя и пропускаем его эмоции через себя. Можно сказать, что в процессе чтения мы смотрим на мир глазами писателя, умножая таким образом свои знания.

От отношения романиста к происходящему по большей части зависит, станет ли книга носителем христианских догматов, либо ей уготована участь быть пропагандой безбожия, зла, прелюбодеяния. Любое произведение — это обоюдоострый меч, где точка зрения автора играет значительную роль.

И если Пикуль сладостно смакует все кровавые подробности роковой ночи, словно наслаждаясь процессом уничтожения Распутина, при этом насмехаясь над неудачами Юсупова, Пуришкевича и прочих, то какое отношение к этому событию может родиться у поклонников его творчества? Если мешает человек обществу и много вреда причинит, то прикончить его — и дело с концом.

Дифирамбы убийству и самосуду, преподносящиеся как что-то само собой разумеющееся или, ещё хуже, благодетельное — вот в чём главная трагедия и антиморальность этой книги. И не только этой, а уже упомянутого «Убийства в восточном экспрессе», и «Десять негрятят» Агаты Кристи, и «Банды» Пронина. Ведь никто из этих авторов даже не намекает на недобросовестность своих героев. И примеров таких очень много.

Надо сказать, что если подобная практика будет внедряться в массовое сознание, то общество превратится в дикарей. На эту мысль меня навела сцена из «Шантарам». Есть там эпизод, и не один, когда толпа индийцев расправляется с водителем, виновником автомобильной аварии.

Все очевидцы ДТП и проходящие зеваки в едином возмущённом порыве вытаскивают бедолагу из автомобиля и избивают что есть силы. Часто до полицейского участка жертва уже не доживала. И это не книжная фантастика, это реалии индий-

ской действительности. Причём полиция абсолютно спокойно к этому относится. Можно сказать, что это неписанный закон.

И это крайне поучительно для нас. Ведь если все начнут мстить, вершить справедливость и убирать варварским способом неугодных людей, то это уже сатанинское состояние не одного человека, а целого общества, путь которого в преисподнюю.

Путём спасения может стать только любовь в духе Божественных заповедей. И авторы книг должны осознавать это, так как каждый из них предстанет на Суд Божий. И его будут судить не только по делам его, но и по словам, выраженных посредством его творений.

У преподобного Иустина Поповича есть прекрасные слова, очень точно отражающие вышесказанное: «Любовь к человеку без любви Божией есть самолюбие. А любовь к Богу без любви к человеку есть самообман». Но разве любовь, какая бы она ни была, может быть во зло? Может, если в ней нет Бога.

Хороший пример этому книга Михаила Веллера «Приключения майора Звягина». Майор в отставке решает устраивать судьбы тех, у кого не хватает решимости сделать это самим. При этом он не гнушается любых способов, очевидно полагая, что надо ломать себя через колено, дабы добиться своего. Для Звягина невозможного нет.

Глава книги «Игра императоров», в которой мы узнаем про циничного карьериста, который расчётливо идёт к власти. Звягин помогает ему, порождая чудовище, сам того не осознавая. А когда понял, было поздно, пришлось исправлять собственные ошибки.

Думаю, не стоит объяснять, что Звягин не имел никакого права вмешиваться в судьбы людей, заставляя их продавать квартиры, якобы для благих целей. Он не имел право подделывать историю ребёнка, сбежавшего от смерти по дороге жизни и обретшего приёмную мать. Не имел право разлучать влюблённую пару.

Его методы аморальны и противозаконны. Он манипулятор, взяточник и убийца. И естественно, ни о какой любви к людям тут и речи не идет. Не любовь движет отставным майором, а непомерная гордыня.

И если уж говорить о сюжетах Евангельской любви в криминальных романах, то я бы начала этот разговор с книги «Шантарам». Так как роман при всех своих изъянах является историей любви от начала до конца: любовь к человечеству, любовь к друзьям, любовь к женщине, любовь к стране, любовь к городу, любовь к противнику, любовь к образу жизни, любовь к приключениям, любовь отца.

Всё это разные проявления любви, и не каждая из них соответствует словам апостола Павла: «Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине; всё покрывает, всему верит, всего надеется, всё переносит. Любовь никогда не перестает, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится» (1 Кор. 13:4-8).

Особенно если упомянуть чувства Лина к Карле, там скорее неподдельная страсть к красивой и загадочной женщине, нежели подлинная любовь. Но есть в этом объёмном труде главное. Пройдя все круги ада, главный герой приходит к мысли, что истинная любовь заключается в служении людям. Любовь – это бескорыстное лечение индийцев в трущобах, это поход в Афганистан с Кадербхаем. Ведь Линбаба мог спокойно отказаться от поездки в горячую точку. У него не было никакого интереса в этом конфликте, но он отправился туда, потому что очень любил своего названного отца – главу мафии. Любовь – это радоваться каждому уголку Бомбея с его грязью, странностями, преступностью. И когда это происходит, человек испытывает неподдельное счастье.

Но самое важное, когда главный герой осознал, в чём заключается истинный смысл любви, он подошёл и к мысли о существовании Бога, пусть расплывчато пока, но это же только первый шаг. И можно не сомневаться, что дальше будет и второй, и третий...

Евангельская любовь, кстати сказать, смогла переломить даже такого «волка», как вышеупомянутый Утробин из «Время возврата». Он долго воспринимал сотрудника милиции в штывки.

«Разве можно злом со злом бороться... От всякого зла нужно удаляться, тогда и оно удалится от тебя. Мне необходимо быть беспристрастным.

Кроме того, я и сам грешник. И мне нужно думать, чем привлечь к себе Божью благодать. И поэтому для меня очень важно всегда помнить, что "ничто так Бога не умилостивляет, как любовь к врагам и благотворение к творящим напастям"».

Результатом этой исповеди Николая Иванова стало свидание Утробина с супругой, которое было не положено ему. Но сделав этот добрый шаг по отношению к материному преступнику, оперативник добился его душевного перелома.

Проведя почти целый день в обществе жены, Утробин, оставшись один на один с Николаем прошептал:

– Простите меня, я был неправ.

– Бог простит, и Вы меня простите! – ответил Николай. И сердцу стало так

светло и радостно. До чего же душе хорошо, когда любовь умножается.

Любовь – это не потворство грехам, это самоотречение ради других. И современным авторам стоит задуматься над вопросом, так ли важны высокие гонорары, которые, безусловно, можно получить, если продолжать воспитывать в людях псевдорелигиозность и всячески потворствовать их падению.

А может быть, стоит вспомнить, что мирская жизнь не вечна. И возможно, на Страшном Суде однажды написанная книга, затрагивающая живые струны человеческой души, приводящая нас, грешных читателей, к Богу, послужит оправданием автору для всех его прегрешений. Давайте возлюбим друг друга, как заповедовал нам Господь Иисус Христос, ибо мы живы только тогда, когда наша жизнь нужна ближнему.

Геннадий МАРТЫНОВ, Санкт-Петербург

Мартьянов Геннадий Георгиевич (р. 1966) – библиограф и историк литературы. Автор значительного числа публикаций и составитель изданий по истории русской литературы XVIII–XX веков, а также – многотомной «Летописи жизни и творчества Фёдора Абрамова». Сотрудник библиотеки № 2 им. Фёдора Абрамова в Санкт-Петербурге (Ивановская ул., д. 14).

При жизни писателя посвященных ему отдельных изданий, как известно, не появлялось – по-видимому, не в последнюю очередь этому препятствовали определенные обстоятельства его жизненного и творческого пути. При этом масштаб творчества Фёдора Абрамова, безусловно, требовал обстоятельной работы о нём – особенно после того, как он получил звание лауреата Государственной премии СССР (1975) и завершил тетралогия «Братья и сестры» (1978).

Книги о Фёдоре Абрамове стали появляться лишь спустя некоторое время пос-

Подготовка к 100-летию со дня рождения Фёдора Абрамова набирает обороты. Впервые после весьма продолжительного перерыва выпущена новая книга о нём.

ВЕЛИКИЙ СЧАСТЛИВЕЦ

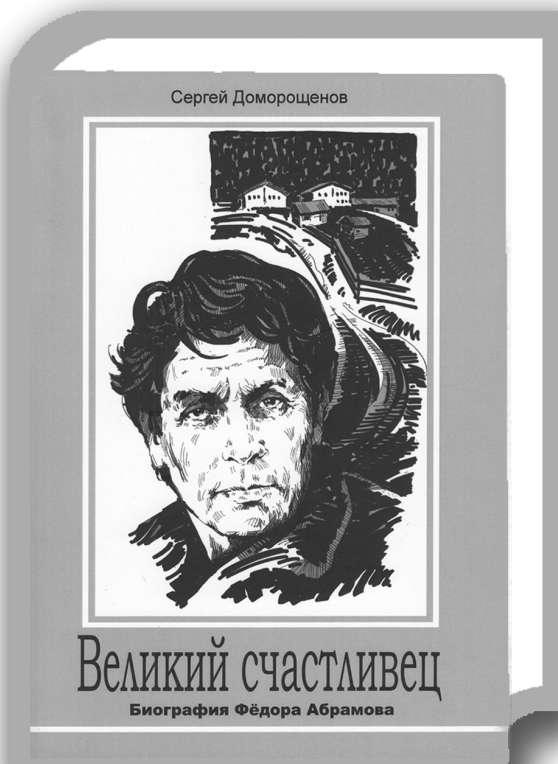
К ВЫХОДУ НОВОЙ КНИГИ С. Н. ДОМОРОЩЕНОВА О ФЁДОРЕ АБРАМОВЕ

ле его преждевременного ухода из жизни. Однако их авторы: И.П. Золотусский (1986), А.М. Турков (1987), Ш.З. Галимов (1989 и 1997), Л.В. Ханбеков (1989), Ю.М. Оклянский (1990), И.С. Маслов (1994 и 2005) – поставили во главу угла, прежде всего, вопросы творчества, проблемы же биографии Фёдора Абрамова они специально не рассматривают. Тем не менее, во многом эти биографии не утратили своего значения и сегодня, когда наконец создается полномасштабная и по-настоящему объективная картина жизни и деятельности писателя.

Выдающаяся роль в собирании, изучении и пропаганде творческого наследия Фёдора Абрамова принадлежит Людмиле Владимировне Крутиковой-Абрамовой, воистину подвижнический труд которой, не прерываясь ни на один день, продолжался более 30 лет. Свообразными «энциклопедиями» жизни и творчества писателя являются написанные ею книги «Дом в Верколе» (1988), «Жива Россия. Фёдор Абрамов: его книги, прозрения и предостережения» (2003),

её собственные мемуары «В поисках истины. Воспоминания и размышления о прожитой жизни» (2010 и 2015). Обширное поле для дальнейших разысканий предоставляют подготовленные ею или при её непосредственном участии тематические сборники различных материалов: «Земля Фёдора Абрамова» (1986), «Воспоминания о Фёдоре Абрамове» (2000), «Юбилейный венок Фёдору Абрамову» (также 2000), «В мире Фёдора Абрамова» (2005), «Живут книги» (2011), не говоря уже об отдельных публикациях в периодике, количество которых исчисляется сотнями.

Следует упомянуть и другие сборники, прежде всего – появившиеся в Архангельске: «Фёдор Абрамов и Север» (1992), «Творчество Фёдора Абрамова. Традиции и современность» (1995), «Слово Фёдора Абрамова» (2001), «Фёдор Абрамов в XXI веке» (2010) и т.д. Отдельным вопросам биографии и творчества писателя уделено значительное внимание во многих публикациях и книгах Л.В. Егоровой,

Л.В. Мельницкой, П.И. Немирова, самого С.Н. Доморощенова и многих других.

Для того чтобы назвать хотя бы малую часть диссертационных исследований и методических пособий по изучению творчества Фёдора Абрамова в школе и вузе, появившихся в Москве, Санкт-Петербурге, Архангельске, Петрозаводске, Орле, Нижнем Новгороде, Кургане, Якутске, Минске... – возможности уже не остаётся.

Разумеется, ежегодно, да ещё не по одному разу, продолжают выходить книги самого Фёдора Абрамова.

Осуществляется выпуск фундаментальной многотомной «Летописи жизни и творчества Фёдора Абрамова», в работе над которой Л.В. Крутикова-Абрамова сильно участвовала почти до своих самых последних дней. Первую книгу, вышедшую в 2015 г., она успела увидеть (вторая книга вышла в 2017 г. всего лишь месяц спустя после того, как она скончалась; очередная, третья книга ожидается к концу 2019 г.).

Да простят меня за подобное очень краткое перечисление уже сделанного те авторы, которые накануне юбилейного года писателя, вопреки реальной ситуации, по каким-то неясным причинам время от времени публично, в печати, вдруг начинают «вещать», что Фёдор Абрамов в настоящее время «забыт» или «почти забыт»!

С появлением «Летописи...» начался качественно новый этап в изучении жизни и творчества писателя. Однако этот долгосрочный проект рассчитан на много лет, к тому же ориентирован, в первую очередь, на дальнейшие перспективы научно-исследовательской работы. Поэтому одновременно с выходом её первой книги настоя-

тельно стала ощущаться необходимость выпуска популярной беллетризованной биографии Фёдора Абрамова.

В предъюбилейном году такое издание появилось, что особенно важно, – на родине замечательного русского писателя. Архангельский журналист С.Н. Доморощев вынес на суд критиков, исследователей и читателей объёмистый том под названием «Великий счастливец». Он выпущен архангельским же издательством «КИРА», известным своей активной поддержкой авторов, занимающихся изучением истории края, «на грант губернатора Архангельской области на реализацию проекта в сфере культуры и искусства в 2019 году». Рецензенты В.Н. Матонин и А.В. Петров – доктора

наук, профессора Северного (Арктического) федерального университета.

Можно ли подобрать книге, посвящённой Фёдору Абрамову, другое, более лаконичное и ёмкое название? Сказать затруднительно – столько смыслов одновременно заключают в себе два этих слова.

«Великим счастливцем» считал себя сам писатель, потому что, будучи дважды тяжело ранен, уцелел в мясорубке боёв за Ленинград в 1941 году.

«Великим счастливцем» стал Фёдор Абрамов, встретив в самом начале своего творческого пути Людмилу Владимировну Крутикову, которая сделала для его успеха всё возможное, пожертвовала собственной многообещающей научной карьерой для того, чтобы он мог полноценно работать над своими произведениями.

«Великим счастливцем» является Фёдор Абрамов, с первой же книги – романа «Братья и сестры» (1958) получивший безусловное читательское признание внутри страны, а уже спустя пять лет, с выходом повести «Вокруг да около» (1963), и всемирную известность...

Конечно, книга С.Н. Доморощевой возникла не по конкретному «информационному поводу» – грядущему 100-летию со дня рождения Фёдора Абрамова, как это зачастую случается (о действительных намерениях подобных ловких «литературных умельцев» в своё время соответствующим образом отзывался и сам Абрамов). Данный труд – это итог (несомненно, промежуточный) долговременного пристального интереса биографа к жизни и творчеству писателя. За много лет активной исследовательской работы С.Н. Домороще-

нов собрал поистине громадный материал, как архивный, так и опубликованный, сама организация которого в единое целое в рамках одной книги требует изрядного мастерства.

Создать объёмную картину жизни и деятельности личности такого масштаба, как Фёдор Абрамов, наглядно и последовательно провести через все повествование множество едва различимых при их зарождении сюжетных линий, сделав это без видимых разрывов и до сих пор отсутствующих из-за нехватки известного материала звеньев... всё это автору биографии вполне удалось.

Одновременно С.Н. Доморощев выполнил и другое важное условие – написал так, чтобы его книга оказалась непременно востребованной и специалистами, и читателями – особенно теми, кто не лишен субъективного взгляда на давно завершившийся советский период истории нашей страны со всеми его достоинствами и недостатками. Как сказано в аннотации, «биографический контекст часто приводит к адекватному пониманию произведений; творческую эволюцию невозможно описать без учёта жизненной судьбы автора».

В результате каждая из сторон найдёт свой интерес в книге, состоящей из 14 глав, в соответствии с основными этапами биографии писателя. Филологи, литературоведы, историки литературы на основании многочисленных новых сведений, сообщаемых автором, получают возможность дальнейшей разработки множества тем, заинтересованные читатели – обретут увлекательное и познавательное чтение, побуждающее к размышлениям о путях движения прошлого, на фоне жизнеописания Фёдора Абрамова непременно отражающегося и в настоящем. Большим подспорьем служит аннотированный Указатель имен. Небольшой тираж книги (330 экземпляров) в данном случае не имеет значения, а пристальный взгляд писателя с помещенного на обложке выразительного портрета, созданного мезенским художником А.А. Тяриным, побуждает к глубоким размышлениям и серьёзной дальнейшей работе...

В специализированный Абрамовский фонд экземпляр книги С.Н. Доморощевой «Великий счастливец» уже поступил, причём с дарственной надписью автора: «Библиотеке имени Фёдора Абрамова – с уверенностью, что она будет продолжать абрамовское дело. С. Доморощев, июль 2019».

ОТ РЕДАКЦИИ:

Все лица, заинтересованные в приобретении книги С.Н. Доморощевой, могут связаться с ним по электронной почте: s.domoroshenoff@yandex.ru

ТАЙНЫ СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНОГО ПОДРАЗДЕЛЕНИЯ КГБ СССР – РАСКРЫТЫ!

ВЫШЛИ В СВЕТ КНИГИ ВАЛЕРИЯ КИСЕЛЁВА

«ЛЕГЕНДЫ «ВЫМПЕЛА»» И «РЕКВИЕМ «ВЫМПЕЛУ»»

В последние годы появилось немало мемуаров участников боевых действий и офицеров спецназа различных подразделений, которые хотя с нами поделиться не только подробностями событий, участниками которых они стали, но и рассказом о том времени, а главное – о людях, с которыми они служили и которые и сегодня составляют гордость наших Вооружённых Сил и иных боевых групп.

Валерий Киселёв принадлежит к одному из самых элитных отрядов спецназначения в нашей стране – отряду «Вымпел». Отряду, который изначально создавался не для борьбы с терроризмом, а для проведения диверсионных операций на любом клочке земного шара. Лишь бы это делалось в интересах страны.

И отряд зарекомендовал себя не раз, постепенно превращаясь не только в действенное, но по-настоящему элитное подразделение, которое руководство СССР могло послать куда угодно и быть уверено, что задание будет выполнено.

Валерий Киселёв – автор книг
«Легенды "Вымпела"»
и «Реквием "Вымпелу"»

Литературная критика и литературоведение

Автор – Валерий Киселёв – непосредственный участник более 450-ти боевых операций, – сам прошёл многое из того о чём пишет. Книга составлена из цикла остросюжетных взаимосвязанных историй, каждая из которых – с философским отступлением, заставляющим задуматься о смысле своей жизни, да и существования человечества на Земле. Здесь художественный вымысел соткан из жизни реальных людей, разведчиков специального

назначения КГБ СССР. Книга о группе специального назначения «Вымпел» – совершенно секретном подразделении времён 1979–1991 годов, впервые открывает в варианте художественного повествования любопытные страницы жизни советской разведки.

Книги вышли в Издательстве ВЕЧЕ, в серии «Миссия выполняема». Тираж ограничен 3 000 экземпляров.

От автора:

«История издания именно этой книги поучительна для меня, как автора, – говорит об издании Валерий Киселёв. – Рукопись долго «бродила» по инстанциям, а в результате было предложено убрать некоторые факты и даже главы... Но, я сознательно печатаю всё, как задумывал, потому что здесь правда событий не противоречит безопасности страны. Да и люди вправе знать,

Юрия Ивановича ДРОЗДОВА, руководитель нелегальной разведки Советского союза, создатель «ВЫМПЕЛА»

что происходило в государстве СССР и как мы были готовы умирать за свои идеалы.

Так что книга увидела читателя! Поэтому я Вам презентую её в желании подарить удовольствие от чтения, познания неизвестного и понимания происходящего...»

Приобрести обе книги пока ещё возможно в книжных магазинах России:

Список городов, в которые уже отгружено это издание:

Москва; Санкт-Петербург; Смоленск, Краснодар, Новосибирск; Екатеринбург; Рязань; Воронеж; Красноярск; Ростов-на-Дону; Иркутск.

Интернет магазины «Лабиринт» и «Озон» охватывают все регионы, и можно сделать заказ из любой точки страны.

- «Библио-Глобус»: <http://www.bgshop.ru/item.shtml?itemId=100214089541>
- «Лабиринт»: <https://www.labirint.ru/books/691455/>
- «Москва»: <https://www.moscowbooks.ru/book/984116/>
- «Молодая гвардия»: <https://www.dkmg.ru/tovar/1037903>
- «Читай город» и другие...

Теперь о том, что внутри.

Книга первая «Легенды “Вымпела”. Разведка специального назначения»

Пять глав с прологом. Вступительное слово Юрия Ивановича Дроздова, руководителя нелегальной разведки Советского союза, создателя «Вымпела».

Вот только часть из его обращения к автору:

Уважаемый Валерий Юрьевич!

Я внимательно прочитал Вашу рукопись, озаглавленную «Легенды “Вымпела”». Наше с Вами прошлое, несмотря на пролетевшие годы, живо и по-прежнему волнует каждого из участников описанных Вами событий...

Как бы то ни было, и какие бы ошибки мы ни совершали, офицеры подразделения «Вымпел» своим отношением к поручен-

ному им делу подтверждали пожелание Ю.В. Андропова: «...чтобы равных им в мире не было...»

Главы:

1. Прораб Савинцев и другие рабочие спецназа.

Посвящена А.И. Лазаренко, кавалеру четырёх орденов Боевого Красного Знамени, четырёх разных государств. Заместитель начальника управления нелегальной разведки СССР (о том, как исполнялась идея создания группы «Вымпел» с философской притчей «История, рассказанная старым чекистом»).

Вот небольшая часть этой истории: «... Они стали обладать какими-то удивительными особенными качествами. Произошло ли это от того особенного обучения, которому они подверглись в процессе подготовки по замыслу Старинова¹ и Берии, или от грандиозности поставленной задачи, я не знаю, но... Будучи материалистами по своей сути, мы с тобой даже не можем предположить, что это возможно. Но, рассказывают, это стало известно из допросов захваченных нами пленных немецких физиков: часть людей в этой лаборатории, которые, по всей видимости, и были членами нашей группы, обладала сверхспособностями. Например, проходить сквозь стены, становиться невидимыми, когда это надо, уворачиваться от пуль, видеть и слышать на таких расстояниях, которые не подвластны обычному человеку, телепатия... И напоследок, буквально на глазах у тех, кого допрашивали наши, группа растворилась в пространстве и переместилась в какое-то другое измерение... Те немцы, которые это видели, клянутся, что это было именно так.

Они говорят: “Эти двенадцать сначала были окутаны неким сиянием, излучаемым каждым в отдельности, и непонятно, откуда исходил этот свет. А затем их фигуры стали подниматься вверх и таять, как дымка утреннего тумана с появлением солнца. Потом они пропали...”

Наверное, – это мечта любого спецподразделения, – обладать такими свойствами. Эта группа умеет делать такое... Она пропадает и появляется, как “Летучий Голландец” из неоткуда, ей подвластны любые пространства и расстояния, они могут появляться в то время, когда их не ждут, они способны решить любую задачу, потому что они – разведка специального назначения! И она до сих пор существует в нашем мире... Единственно, я не могу найти ответа на вопрос, кто ей управляет. И кому она служит...»

2. Главный подъезд или один день из жизни ОУЦа².

Посвящена преподавателям КУОС (о том, как проходила подготовка разведчиков в Балашихе. Притча «За Чертой»).

3. Бой затих у взорванного моста.

Посвящена В.К. Цветкову, В.В. Розину, Л.И. Королькову; (описана операция «Шторм 333» в Афганистане глазами командира четвёртой группы Владимира Цветкова, который выполнил задачу командования и награждён орденом Красного Знамени, при этом получил три пулевых ранения и двадцать восемь осколочных... Притча «Что под халатом у господина»).

4. Тропа Че Гевары.

Посвящена Виктору Васильевичу Воробьеву (описывается подготовка офицеров КГБ в школе спец войск Кубы в месте, где проходил обучение отряд команданте Че перед Боливией. Притча «Партизанский очаг»).

5. Идущие на смерть.

Посвящена Команданте Вальтеру Фетрети, командующему спецвойсками Никарагуа (о командировке офицеров «Вымпела» в Никарагуа. Притча «Идущий на смерть»).

Из главы «Идущие на смерть»: «...Он продумал всё. Именно таков был его план: до входа в здание выпить яд и совершенно с пустыми карманами – только неумосисткий партийный билет и приглашение на имя сеньора Ригоберто Лопеса Переса, участника поздравления, готовящегося профсоюзными главам государства... – войти и убить президента Сомосу... Смертельное зелье начнёт своё действие только через час... Секунды немолимо бегут вперёд. Время, когда начнёт действовать отравка, уже близко... Теперь – главное, не опоздать мне!»...

¹ Старинов Илья Григорьевич. Диверсант столетия. Личный враг Гитлера. В Испании в 1938 году при его участии был уничтожен целый эшелон немецких и итальянских лётчиков, которые следовали на помощь диктатору Франко. Во время ВОВ 1941–1945 организатор «рельсовой войны» против фашистов.

² Отдельный Учебный Центр – легендарное название группы «Вымпел».

Книга вторая «Реквием “Вымпелу”. Вежливые люди»

Пять глав с эпилогом. Вступительное слово Секретаря Союза писателей России, лауреата Государственной премии России, Заслуженного работника культуры РФ, Владимира Александровича Силкина. Вот фрагмент его мнения:

«... Серьёзная по объёму и событиям, количеству персонажей, географических точек книга Валерия Киселёва становится, по сути, уникальным учебником для спецназовцев, тем кладезем мудростей, которые почерпнуты из светлых глубин душ настоящих офицеров и учителей. Людей, которые иногда долгие годы не могли показать своего лица, рассказать о том, какой ценой решались поставленные перед ними задачи в разных странах мира...»

Главы:

1. В поисках знаков препинания.

Посвящается офицерам ОУЦа: Виктору Ирманёву, Алексею Коржавину, Владимиру Звереву, Юрию Скороходову. (Всего лишь об одной командировке в Афганистан и выполнении маленького спецзадания.)

С философской притчей, рассказанной полковником разведки «Второе пришествие Христа». Смысл её: мы так заняты собой и своей жизнью, что очень легко можем проглядеть самое главное, что происходит рядом с тобой...

2. В лесу.

Посвящённая всем моим братьям «ОУЦменам», прошедшим леса, горы и болота во времена подготовки...

Очень примечательна лиричность автора не только этой главы, а и всей книги: *«Лес был нашим уютным родным домом. Он стал для нас живым, осязаемым организмом. Лес, как ещё один член нашей группы, заботился о нас, оберегая, как своих товарищей, от невзгод. Мы с ним подружались накрепко и навсегда. Он – как жена: кормил, поил и радовал своей красотой. Он – как друг: всегда подставлял своё мощное лесное плечо и протягивал крепкую ветвистую древесную руку... Нигде и никогда в дальнейшей жизни я не испытывал такого блаженного комфорта от пребывания рядом с потрескивающим костром в окружении густого, тёплого русского леса.*

В ту ночь в лесу звёздное летнее небо горело огромным количеством неповторимой красоты ярких голубых звёзд...»

В этой повести приведена очень символическая притча «Русичи». В конце её стоит, конечно, не риторический вопрос... Возможно ли он из сегодняшнего дня? «...Настало ли время для нас с вами собираться в бой? За правду, за справедливость, за жизнь достойную?! Где проходит для каждого из нас та граница, пересекая которую, мы готовы на всё?»

3. Колодец. Исповедь советского офицера.

Посвящается Борису Сынкову и всем Советским офицерам, прошедшим дорогами Афганской войны и сохранившим свою Честь, Достоинство и Великую Душу...

Эта повесть отвечает на вопросы: «Проиграли ли мы войну в Афганистане?», «Умеем мы воевать?»... В ней описана лишь небольшая часть истории оперативно-боевой работы офицеров КГБ спецподразделения «Вымпел», их размышления о жизни, боевые операции, дружба и великое понимание на-

ших народов. А ещё, как говорит сам автор, это книга о замечательном человеке – Борисе Сынкове. Именно его история жизни легла в основу сюжета повествования. Его размышления и понимание того, что тогда происходило. Его видение войны, в которой он, как истинный советский офицер, – был честен, мужествен и профессионален...

А притча о советском спецназовце и мусульманском воине, которые оба бьются, даже не зная друг друга, и доходят до черты, за которой открывается истина жизни... лишь добавляет трагичность нашей войны... Тогда мы не дошли до Истины!

4. Рубикон История о событиях в Грузии в городе Тбилиси, происходивших в апреле 1989 года.

Дружбе «Альфы» и «Вымпела» – посвящается.

Достаточно короткая, на очень ёмкая по содержанию история, началом которой стали события 9 апреля 1989 года, когда ночью от сапёрных лопаток у Дома Верховного Совета и Совмина Грузии погибли люди... Позднее в этом месте появились офицеры «Вымпела» и «Альфы». Спасали ли они ситуацию по скатыванию страны в хаос или были лишь наблюдателями?

5. Чёрный январь – «Реквием братству народов». Повесть о событиях в Баку в январе 1990 года.

Автор пишет: «Посвящается моим братьям: армянам, азербайджанцам, туркменам, русским..., служившим со мной в “Вымпеле”, не предавшим дружбу, сохранившим человечность и не изменившим Присяге. Они, все без исключения, честные сыны Единого Государства, не посрамили свои великие нации, спасая и защищая других людей.

Посвящается моим боевым друзьям: Валерию Кшнякину, Юрию Инчакову, Юрию Егемуратову, не предавшим честь и верность служению Родине.

Когда я писал эту книгу, я думал о нашем едином народе...»

Эта повесть о том, что происходило в Баку в январе 1990 года и как вели себя люди из спецподразделения КГБ СССР «Вымпел», работая над сохранением конституционного строя Советского государства. Эти события явились итогами межнациональных конфликтов, возникших ранее в Нагорном Карабахе, Сумгаите и других местах некогда дружной и великой страны...

Автор пришёл в результате к однозначному выводу: **«Виновен в межнациональном конфликте, в гибели армян, азербайджанцев и до сих пор продолжающейся войне в Нагорном Карабахе, а также в развале моей Родины – руководитель нашего государства. Он есть главное зло случившегося».** В данном случае речь идёт о Михаиле Горбачёве. Не все согласны с такой точкой зрения, но у читателей есть возможность вместе с Валерием Киселёвым ещё раз пройти тот трудный путь и выслушать его аргументы. А потом самим дать ответ, кто прав.

А в эпилоге двух этих книг после притчи «Счастливы Принц», которая говорит о том, что не существует вопросов, на которые возможно ответить человеку при жизни... сказаны такие слова:

«...И страна наша стала другой, и мы стали другими...»

– Страна, в которой мы живём, – не та... Согласен. А вот мы всё же остались теми же, – стали возражать мы. – По крайней мере, теми же в чувствах между собой и по отношению к долгу перед своими детьми.

– Дети? Это верно. Ещё лет сорок назад нашли каменную табличку с письменами, которым было семь тысяч лет, – вмешался в разговор последний. – Написана она была на очень непонятном языке. И только несколько лет назад её смогли расшифровать. Знаете, что на ней было написано? – и почти без паузы произнёс: “Дети наследуют грехи родителей. Держитесь детей своих”, – сказавший задумался и замолчал...»

Молчали и мы. Каждый из нас думал об одном и том же: “Какова доля моей вины в том, что случилось с моей страной и подразделением, в котором я служил? Зависело ли от меня то, кем я был, и мог ли я предотвратить то, что произошло?”»

Но всё же на непростой вопрос, связанный с темой названия второй книги «РЕКВИЕМ», отвечает один из создателей «Вымпела», полковник Е.А. Савинцев, который высказался так: **«... Слово “Реквием” – это мысли о лучших годах, о несбывшейся мечте. Это целая Ода – посвящённая памяти героев...»**

Героями книг «Легенды “Вымпела”» и «Реквием “Вымпелу”» выступили офицеры «Вымпела», «Альфы», преподаватели КУОСа, спецвойск Кубы, Никарагуа – это реальные личности, которых девяносто девять человек!

Ещё о ста сорока семи живших и живущих в мире, которые так или иначе влияли на события повествования, – в этих двух книгах, упоминается.

Но! Это не документальная повесть, тем более не мемуары. Это художественная книга. Читается легко, с познанием новых любопытных страниц истории Внешней разведки КГБ СССР. С пояснением того, почему «Вымпел» – есть разведка специального назначения и инструмент для проведения точечных, ювелирных операций... Вот о некоторых из них и рассказано в этой книге!

Как развивались события дальше... вы узнаете, дочитав всё до конца.

Вы познакомитесь с героями, о существовании которых даже не подозревали, об их мужестве, верности долгу, патриотизме и любви.

Книга написана в лучших традициях героики русской исторической литературы и будет интересна широкому кругу читателей, историкам, офицерам спецназа, а для молодого читателя станет учебником мужества.

Огромную помощь в подготовке рукописи и издании книги оказал журнал «Невский альманах». Автор выражает главному редактору журнала Владимиру Степановичу Скворцову признательность. Кроме всего книга не состоялась бы без Марины Скворцовой. Именно она подсказывала автору, что совесть должна быть главной чертой писателя. Поклон ей за важнейший смысл жизни от всех!

Материал подготовил
Владимир СКВОРЦОВ,
Главный редактор
журнала «Невский альманах»

ЛИТЕРАТУРНАЯ УЧЁБА В «НЕВСКОМ АЛЬМАНАХЕ»

Четвёртый номер журнала продолжает серию этюдов о природе стихосложения (см. 2019 №№ 1, 2, 3 и 4). Этюды представляют собой фрагменты книги Галины Щербовой «Система случайностей». М.: Кругъ. 2018.

Автором проанализировано около ста стихотворений.

Галина ЩЕРБОВА,

Москва

В книге «Система случайностей» раскрыты истории создания около ста стихотворений, но среди них не больше десятка верлибров. Это объясняется тем, что верлибр обычно возникает в голове целостным и незыблемым, поэтому в его истории нет рассказа о проведённой работе со словом, ритмом. Всё происходит в уме в момент формулировки, и на бумагу выводится уже абсолютное решение.

Чем короче и отчётливее высказана мысль, тем она сильнее. Невнятность в изложении может вызвать и недоверие к мысли. Отсюда закономерно стремление верлибра к краткости. Именно в верлибрах проявляется склонность поэта афористично мыслить. Афоризм – индивидуальное умозаключение, увенчанное неожиданным выводом. Соответственно, верлибр – ритмически изложенный афоризм.

Если работа над верлибром сводится к фиксации явившейся мысли, то его история – те жизненные обстоятельства, откуда пришёл созидательный импульс. Обстоятельства могут быть какими угодно, но они вдруг провоцируют или комментарий какого-то действия, или недоумённый вопрос, или удивление внезапно открывшейся новой гранью чего-то привычного.

В верлибре важно распределение пауз, которые определяют переход к следующей строке. Паузы перехода – важнейший принцип формирования структуры стиха, но не менее важным является и его визуальная отчётливость, ради которой порой нарушается строгость паузы, и строка ритмически идёт дальше для усиления зрительной симметрии.

В настоящей публикации представлены два фрагмента из книги «Система случайностей»: истории верлибров «Мы любим друг друга...» и «Тотемы Манизера».

ЭТЮДЫ О СТИХОСЛОЖЕНИИ

«МЫ ЛЮБИМ ДРУГ ДРУГА...»

*мы любим друг друга как животные
но мы не всегда бываем животными
иногда мы бываем людьми
и тогда друг друга не любим*

Последовательно строится рассказ о чувстве любви и оборачивается парадоксом. Это воплощённая в словах лента Мёбиуса – от убеждённого «мы любим друг друга» до закономерного «друг друга не любим». В полярных позициях исчерпаны и мысль, и картина человеческих отношений. Интересно, что короткая история этого верлибра имела продолжение после издания книги «Система случайностей», в которую он вошёл. Поэт Алексей Любегин предложил неожиданное развитие темы, сказав, что если главное любовь, то, выходит, лучше оставаться животными, чем быть людьми и не любить, а отсюда открывается возможность объяснить слова Марины Цветаевой из «Поэмы конца»: «...От друзей – тебе, подноготную / Тайну Евы от древа – вот: / Я не более, чем животное, / Кем-то раненое в живот...».

ТОТЕМЫ МАНИЗЕРА

*скачу по моим собакам
их увезли в Санкт-Петербург
гуляют там по Марсовому полю
а я в Москве
поэтому на станции метро
при пересадке на другую ветку
приветливо касаюсь на ходу
изваянных из бронзы
собачьих морд и лап
наверное другие как и я
скачуют по лаптям и пистолетам
по женским туфелькам
и гребням петухов
по тапочкам спортсменов
по гранатам
задумчиво поглаживая их
утрами по дороге на работу
и вечерами по пути домой
как хорошо что есть у нас такое
простейшее такое утешенье
ведь одиноки мы и некого нам гладить
не говоря уже о том
чтоб кто-то
с такой же лаской иногда погладил нас*

Пример свободного стиха приведён в книге «Система случайностей» в главе 4, где речь идёт о философской поэзии, и намеренно взят для иллюстрации действия в нём тех же принципиальных приёмов раскрытия смысла, что и в рифмованных стихах. Если верлибр – краткий афоризм, одна мысль, один взгляд, то свободный стих – уже повествование о чём-то, что может быть представлено и как прозаическое произведение, но выстроенное в ритмизованный столбец оно получает художественную упорядоченность. Свободный стих освобождает от заботы о рифме, но требует отчётливости изложения.

Стихотворение «Тотемы Манизера» – уже третья по счёту версия на тему бронзовых фигур на станции «Площадь Революции» в Московском метро, автор – классик социалистического реализма скульптор Матвей Манизер. Ежедневно наблюдая, как люди прикасаются к скульптурам, с какими лицами шепчут заклинания и замирают с рассеянным взглядом, я решила пройти по станции, проверить, какие детали каких фигур блестят особенно. В то время как раз обсуждалась проблема охраны и защиты, – вплоть до укрытия в пластиковые колпаки, – этих скульптур, которые заметно истёрлись под горячей рукой мегаполиса. Я подумала, что они стали тотемами, они востребованы, и нельзя отнимать у людей надежду. Кроме того, скульптуры тоже хотят внимания. Налицо взаимная любовь. От неё нельзя защищаться и защищать. Но любовь неизбежно губит.

Первые четыре строки сложились сразу, как констатация факта. Остальные быстро раскрутились следом, неся в себе лёгкую иронию, как самоиронию каждого, совершающего акт поглаживания излюбленной детали и сознающего себя неисправимым язычником. Стихотворение построено на последовательном изложении темы. Итоговый вывод – точка смысла – расположен в объёме текста, но это не отменяет внешней обширной атмосферы стихотворения, в толще которой формируется множество порывов и сообщений.

